

Бозций

Комментарий к

"Категориям" Аристотеля

Table of Contents

[Предисловие](#)

[КОММЕНТАРИЙ К "КАТЕГОРИЯМ" АРИСТОТЕЛЯ \[11\] КНИГА ПЕРВАЯ](#)

[\[Введение\]](#)

[Об эквивокальном](#)

[Об унивокальном](#)

[Об отыменных](#)

[О субстанции](#)

[Примечания](#)

Боэций

**Комментарий к
"Категориям" Аристотеля**

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций

Комментарий к "Категориям" Аристотеля

Фрагменты

Предисловие

Anitius Manlius Torquatus Severinus Boethius (Ок. 480-525)

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций [1] родился в конце V в. Точная дата его рождения неизвестна, однако обычно ее относят к 480 г. Философ происходил из знатного римского рода Анициев, пользовавшегося в то время немалым влиянием: отец Боэция, Флавий Манлий, был консулом и префектом Рима. После его смерти (482) Боэция принял в свою семью знатный патриций Аврелий Меммий Симмах, в доме которого будущий философ и получил образование.

Творческая деятельность Боэция началась, по-видимому, с написания работ, посвященных группе математических наук - арифметике, геометрии, астрономии и музыке. Судя по всему, философ написал специальный трактат по каждой из этих наук; до нас, однако, дошло только два - "Наставление в арифметике" (*De institutione arithmetica*) и "Наставление в музыке" (*De institutione musica*). Эти трактаты в значительной степени представляют собой латинскую адаптацию, а иногда - дословное изложение работ некоторых грекоязычных авторов. Так, "Наставление в арифметике" является, по сути дела, прямым переложением на латынь сочинения "Введение в арифметику" Никомаха из Геразы, а "Наставление в музыке" - компилированным изложением мнений различных авторов, прежде всего александрийского астронома и математика Птолемея и уже упоминавшегося Никомаха.

К раннему периоду творчества Боэция относится и большинство его сочинений по логике. В планы философа, по всей видимости, входил перевод и комментирование всего корпуса логических сочинений Аристотеля, известного как "Органон". Следуя установившейся еще в античности традиции, Боэций начал с комментирования "Введения" Порфирия к "Категориям" Аристотеля, каковое "Введение" считалось необходимыми пролегоменами к логике Стагирита. Составив два комментария к этому трактату, Боэций приступил к переводу на латынь и комментированию трудов собственно Аристотеля. Результатом его работы явился "Комментарий к "Категориям" Аристотеля в четырех книгах" (*In Categoriae Aristotelis libri quatuor*), "Малые комментарии к книге Аристотеля "Об истолковании"" (*In librum Aristotelis de interpretatione commentaria minora*), "Большие комментарии к книге Аристотеля "Об истолковании"" (*In librum Aristotelis de interpretatione commentaria maiora*), переводы на латынь некоторых других сочинений Аристотеля по логике, три монографии, посвященные силлогистике. Кроме того, Боэций составил комментарий к "Топике" Цицерона.

Как самостоятельный философ Боэций наиболее ярко проявил себя в сочинениях, составивших корпус так называемых *Opuscula sacra*, то есть теологических работ. Этот корпус составляют: "Каким образом Троица есть единый Бог, а не три бога" (*Quomodo Trinitas unus Deus est ac pop tres dii*), "Могут ли "Отец", "Сын" и "Святой Дух" сказываться о Божестве субстанциально" (*Utrum Pater et Filius et Spiritus Sanctus de divinitate substantialiter praedicentur*), "Каким образом субстанции могут быть благами в силу того, что они существуют, не будучи благами субстанциальными" (*Quomodo substantiae in eo*

quod sint bonae sint cum pop sint substantialia bona), "Книга против Евтихия и Нестория" (Liber contra Eutychem et, Nestorium), "О католической вере" (De fide catholica). Хотя все эти трактаты затрагивают преимущественно теологическую проблематику, при решении богословских вопросов Боэций активно использует средства, предоставляемые философией и логикой. В трактате "Против Евтихия и Нестория" философ дает свое знаменитое определение личности; здесь же мы находим совершенно новую онтологию, отличную от онтологии Аристотеля и некоторых других античных авторов. Интерес к теологическим сочинениям Боэция в Средние века был очень высок. Среди комментаторов его работ были Гильберт Порретанский и Фома Аквинский.

Несмотря на свою активную научную деятельность, Боэций, следуя традициям своей семьи, не оставался в стороне и от дел государственных. В 510 г. он становится консулом, а в 522 г. занимает должность "магистра всех служб" - высший административный пост в королевстве остготов, возникшем в конце пятого столетия на руинах Западной Римской империи. Однако Боэций недолго находился при дворе остготского короля Теодориха: в 523 г. он был обвинен в антигосударственной деятельности, заключен в тюрьму, а затем казнен.

В тюрьме Боэций написал свое самое знаменитое произведение - "Утешение философией" (Consolatio philosophiae). В "Утешении" затрагиваются многие метафизические и этические проблемы, как то: природа Бога, предопределение и судьба, свобода воли и происхождение вселенной. В Средние века "Утешение" было чуть ли не самым известным и популярным философским произведением. Его читали государственные деятели, поэты, теологи и философы. Книга была переведена на староанглийский и старонемецкий языки. Влияние "Утешения" можно проследить у Данте, Чосера, в англо-норманнской и провансальской поэзии.

Уже в раннем Средневековье в Павии возникло почитание Боэция как святого и мученика. Официально Боэций был канонизирован 15 декабря 1883 г. указом папы Льва XIII.

Философию Боэций рассматривает как род, а ее виды составляют теоретическая (speculativa) и практическая (activa) философии. Видами практической философии в свою очередь являются этика, политика и экономика. Что же касается теоретической, то ее Боэций подразделяет сообразно объектам, которые она изучает. В своем первом комментарии к "Введению" Порфирия философ делит эти объекты на три категории: интеллектуальные (intellectibilia), интеллигибельные (intelligibilia) и физические (naturalia). Первые он описывает так: "Интеллектуальным является то, что, будучи само по себе одним и тем же, всегда пребывает в Божестве (divinitas), постигаемое не чувствами, но одним лишь умом (mens) и интеллектом" [2] Философию, которая исследует такие объекты, Боэций именуется теологией. Второй подвид теоретической философии, название которого Боэций не сообщает, занят исследованием интеллигибельных объектов, то есть высших причин, высших областей мира, а также человеческих душ, которые, по мнению философа, принадлежали к интеллектуальному, но, соединившись с телом, перешли в новое состояние. Третий подвид теоретической философии, именуемый Боэцием физиологией (physiologia), изучает свойства и природу тел.

Отдельно Боэций рассматривает четыре науки, составляющие квадривий (quadrivium), то есть четверной путь к мудрости, или философии. Это - четыре математические науки:

арифметика - наука о множестве самом по себе (*multitudo per se*); музыка - наука о множестве по отношению к иному (*multitudo ad aliquid*); геометрия - наука о неподвижной величине (*magnitudo immobilis*); астрономия - наука о движущейся величине (*magnitudo mobilis*). Помимо квадривиума Боэций рассматривает тривий (*trivium*), группу дисциплин, которую составляют логика, грамматика и риторика. Это не науки в собственном смысле слова, но скорее искусства, изучающие способы и методы изложения.

В отношении логики, однако, у Боэция возникают сомнения: "Некоторые, - пишет он, - утверждают, что она [т.е. логика] является частью философии, а другие - что она не часть, но некое орудие (*ferramentum*) и некоторым образом средство (*supellex*)" [3]. Рассмотрев аргументы той и другой стороны, философ приходит к выводу, что оба мнения правильны. Он утверждает, что между указанными двумя позициями нет никакого противоречия, поскольку ничто не мешает логике одновременно быть и частью, и инструментом философии, подобно тому, как рука является одновременно и инструментом, и частью тела. Однако если логика является частью философии, она должна обладать своим собственным предметом. Следовательно, надлежит выяснить, каков этот предмет.

Для Боэция логика, или диалектика, - это умение правильно строить умозаключения и рассуждать (*ratio diligens disserendi*). Философ не различает термины "диалектика" и "логика", полагая, что это названия одной и той же науки, и характеризует ее следующим образом: "Итак, эту науку, как бы наставницу в [искусстве] рассуждения, которую древние перипатетики называли логикой, Цицерон определил как "умение (*ratio*) искусно рассуждать". Она многими трактуется по-разному и называется разными именами. Так, например, как уже было сказано, перипатетики называли "умение искусно рассуждать" логикой, [и оно] включало в себя искусства нахождения и суждения. Стоики же "умение искусно рассуждать" трактовали несколько уже, так как не разрабатывали [искусство] нахождения, остановившись лишь на [искусстве] суждения... именуя [его] диалектикой... Эту [науку] Платон называет диалектикой, а Аристотель - логикой; ее же Цицерон определил как "умение искусно рассуждать"" [4].

Что же касается предмета логики, то им являются "посылки, силлогизмы и прочее в том же роде". Под "прочим в том же роде" понимаются прежде всего имя и глагол, или, иначе говоря, термины, слова, из которых составляются посылки. По мнению Боэция, слова - "простые элементы логики" [5] и из них составляются посылки и силлогизмы, поэтому в любом трактате по логике в первую очередь речь идет именно о словах. Ясно, однако, что если бы логика имела бы своим предметом только речь (будь то слова или целые высказывания), она мало бы отличалась от грамматики или риторики. И хотя связь этих дисциплин очевидна (ведь все они суть части тривия и все трактуют о словах), логика тем не менее кардинально отличается от двух других.

Рассмотрению логики подлежат не просто слова как таковые, но слова, которые обладают обозначающей функцией, которые являются частью высказываний, и, опять же, не всяких высказываний, но таких, в которых что-то утверждается или отрицается относительно чего-то, или, иначе говоря, речь в связи с реально существующими вещами. Вещи, с точки зрения Боэция, пребывают в относительно неизменном состоянии и, будучи воспринимаемыми человеком, образуют в душе определенные подобия (*similitudines*), которые философ называет понятиями (*intellectus*). Понятия имеют естественное происхождение, неизменны и общи для всех людей. И латинянин, и варвар, мысля лошадь, мыслят одно и то же, а именно подобие чувственно воспринимаемой вещи.

Разные народы, однако, приспособили для выражения и обозначения этих понятий (а заодно и вещей) различные имена (*vocabula*) и написания (*litterae*), которые суть знаки этих имен, отсюда и происходят различия языков. Поэтому ясно, что "вещи всегда предшествуют словам", а потому, если мы говорим об истинных высказываниях, то, что имеет место в вещах, имеет место и в речи.

Итак, понятно, что предметом логики являются в первую очередь слова, которые обладают определенным значением, то есть обозначают определенную вещь, а во вторую очередь - высказывания, составленные из таких слов, в которых имеет место отрицание или утверждение. В этом логика проявляет себя как отдельная наука или часть философии. А целью логики как инструмента философского познания является проверка утверждений на истинность, ибо "всякий, кто возьмется за исследование природы вещей, не усвоив прежде науки рассуждения, не минует ошибок. Ибо не изучив заранее, какое умозаключение поведет по тропе правды, а какое - по пути правдоподобия, не узнав, какие из них несомненны, а какие - ненадежны, невозможно добраться в рассуждении до неискаженной и действительной истины" [6].

Комментарий Боэция к "Категориям" Аристотеля, написанный около 510 г., входит в корпус логических сочинений, составляющих так называемую *logica vetus*, или *ars vetus*, старую логику. Этот комментарий пользовался в Средние века огромной известностью, о чем свидетельствует число дошедших до наших дней манускриптов: более трехсот, что очень много. Неясно, является ли этот трактат единственным комментарием к "Категориям", написанным Боэцием, или же существовал и другой, более обширный и глубокий комментарий, о намерении создания которого Боэций пишет в первой книге вышеуказанного сочинения. В пользу того, что таковой был написан, долгое время не было никаких свидетельств, за исключением слов самого Боэция, однако в XIX столетии П. Адо (P. Hadot) обнаружил некий отрывок латинского комментария к "Категориям"; предполагается, что это и есть часть утраченного второго комментария Боэция.

Следует сказать и о том, что Боэций не только комментировал "Категории", но и был одним из первых переводчиков трактата Аристотеля на латинский язык. Отдельные попытки перевода "Категорий" предпринимались и ранее (известен, например, перевод Мария Викторина и перевод, или, скорее, близкое к тексту изложение, приписываемое Августину, озаглавленное "Десять категорий" - *Decem categoriae*), но наиболее удачной оказалась попытка Боэция; удачной настолько, что его переводом пользовались в течение всего Средневековья.

Выше уже было сказано, что Боэций предполагал, что обозначающие слова репрезентируют существующие вещи. Отсюда Боэций понимает категории Аристотеля (сам Боэций называет их предикаментами - *praedicamenta*), как обозначающие звуки, призванные обозначать высшие роды сущего. "Аристотель, - пишет он, - усмотрел десять родов всех вещей... всякая вещь непременно должна найти свое место в одном из видов десяти родов" [7]. Но вычленение этих родов из бесконечного числа существующих вещей потребовало создания специального категориального аппарата - упомянутых десяти предикаментов, то есть наиболее общих сказуемых. Смысл этой операции таков: число единичных вещей бесконечно, их многообразие не может быть охвачено умом, и они не могут стать объектами науки. Но поскольку вещи обладают определенной общей природой, то в конечном счете любая из них подпадает под тот или иной род, может быть определена и познана. "Итак, Аристотель ограничил малым числом десяти предикаментов

неопределенное и бесконечное множество различных вещей с тем, чтобы то, число чего бесконечно, и что не может стать предметом научного исследования, ограниченное десятью своими родами, могло бы постигаться наукой (scientia). Следовательно, десять предикаментов, о которых мы говорим., суть роды для бесконечных значений, [данных] в звуках; но поскольку любое значение звуков относится к вещам, которые обозначаются звуками, в том, что они суть обозначающие, то [предикаменты] необходимо обозначают роды вещей" [8].

Отдельно следует сказать о том, что, согласно Боэцию, является объектом науки - индивид или общее. С одной стороны, ясно, что в силу вышеуказанных обстоятельств "Индивидам нет числа, а значит, [о них] нет и науки" [9]; с другой стороны, и Боэций неоднократно на это указывает, "Вид "человек", а равно и "животное", которое есть род, мы собираем (colligere) только лишь из познания индивидуального... общность познается (intelligere) из чувственных восприятий (sensus) единичного" [10]. Решение, как представляется, лежит в том же горизонте, что и предложенное Боэцием в комментарии к "Категориям" решение проблемы универсалий, то есть проблемы онтологического статуса общего. Поскольку общее, с точки зрения философа, находится в чувственно воспринимаемых вещах, хотя и мыслится отдельно от них, то же относится и к объекту науки: им является общее, но то общее, которое реально существует в индивидах и которое познается благодаря чувственному восприятию индивидуальных вещей.

Публикуемые фрагменты из "Комментария к "Категориям" Аристотеля" переведены на русский язык впервые.

А.В. Аполлонов

**КОММЕНТАРИЙ К "КАТЕГОРИЯМ"
АРИСТОТЕЛЯ [11]**

КНИГА ПЕРВАЯ

[Введение]

Закончив с тем, что изложено в учении Порфирия [12] относительно предикаментов [13] Аристотеля, я продолжил ряд [сочинений], написанных простым и доступным языком, составив и эти комментарии на ту же тему. Я не примешал ничего из сферы более глубоких вопросов, но ради соблюдения соразмерности в освещении стремился к тому, чтобы не стеснить читателя краткостью [изложения] и не смутить его большим объемом. Поэтому, как представляется, вначале следует вкратце представить цель этого труда, которая такова: существует только один человеческий род, способный давать вещам имена, поскольку вещи предположены и преимущественно пребывают в характерном состоянии [своей] природы [14]. Отсюда ясно, что, снабжая [именами] все [вещи] по очереди, человеческий ум (*animus*) приспособил слова для каждой отдельной вещи и, например, это вот тело назвал человеком, то - камнем, другое деревом, третье - цветом; и, опять же, назвал именем отца всякого, кто порождает из себя что-либо иное. Также он определил границы множества формой особого имени: установил, например, [величину] в две пяди или в три; и в других случаях подобным же образом.

Итак, распределив все имена (*nomina*), он возвратился обратно - к свойствам и фигурам самих имен (*vocabulum*), и ту форму, которая может изменяться по падежам, назвал именем (*nomen*), ту же, которая распределяется по временам, - глаголом (*verbum*). Первая же позиция [15] имен была та, посредством которой он обозначил субъекты для интеллекта или чувств. Вторая - посредством которой рассматривают отдельные свойства имен (*nomen*) и фигуры. Таким образом, первое имя (*primum nomen*) есть самое имя (*ipsum vocabulum*) вещи, например, когда та или иная вещь называется "человек". Что же касается того, что самое имя (*ipsum vocabulum*), то есть "человек", называется именем (*nomen*), то это относится не к значению имени (*nomen*), но к фигуре, в силу того, что оно может изменяться по падежам. Итак, первая позиция имени (*nomen*) образуется в соответствии со значением слова (*vocabulum*); вторая - сообразно фигуре; первая позиция [предназначается] для того, чтобы вещи получали имена, вторая - чтобы иными именами обозначались сами имена. Ведь в то время, как "человек" есть имя (*vocabulum*) подлежащей субстанции [16], то [имя], которым называется "человек", есть имя (*nomen*) [имени] "человек", являющееся наименованием (*appellatio*) самого имени. Ибо мы спрашиваем: каким словом (*vocabulum*) является "человек"? - и [нам] правильно отвечают: именем [существительным] (*nomen*).

Итак, цель этого трактата - рассуждение о первых именах вещей и о звуках, обозначающих вещи безотносительно того, что они образуются согласно каким-либо свойствам и фигурам, но в том, что они суть обозначающие (*in eo quod significantes sunt*). Ибо что бы ни сказывалось о субстанции, - претерпевание или действие, [здесь] исследуется не то, как одно из имен может изменяться по падежам, а другое - по временам, но как имя обозначает или человека, или лошадь, или какого-либо индивида, или вид, или род. Итак, целью этого труда является исследование звуков, обозначающих вещи, в том, что они суть обозначающие. Безусловно, это исследование, следующее за [комментариями] к Порфирию, приспособлено к обстоятельствам введения и неискусного

повествования, ибо мы изложили то, что, как будет видно, более ясно и не вызывает затруднений. В дальнейшие же наши планы входит обсуждение назначения, пользы и порядка [предикаментов] в трех вопросах, один из которых будет [посвящен] назначению предикаментов. Это будет сделано, разумеется, в другом задуманном мною комментарии о тех же категориях, для людей более ученых, и там, перечислив мнения различных [писателей], мы будем учить тому, с чем совпадет наше собственное суждение. Поэтому пусть теперь никто не удивляется и не противится этому намерению, так как он увидит, насколько все это выше того, что могли бы вместить умы начинающих, для которых, обучающихся, мы написали эту [книгу] простым и доступным языком. Итак, те, кого мы собираемся допустить до этого знания, посредством доступного изложения должны быть подведены как бы к самым дверям этой дисциплины. Поэтому пусть читатель поймет причину различия мнений в каждом из трудов, ведь в одном случае излагаются взгляды, подходящие для науки пифагорейцев и совершенного учения (*doctrina perfecta*), а в другом исследование соответствует простым стадиям изложения того, что требуется для введения.

Однако вернемся теперь к основной теме. Назначение (*intentio*) "Предикаментов" в данном случае то, о котором сказано выше, то есть рассуждение о первых звуках, обозначающих первые роды вещей, в том, что они суть обозначающие. Поскольку [число] вещей бесконечно, также необходимо бесконечно и [число] звуков, которые их обозначают, однако познание бесконечного невозможно, ибо бесконечное не может быть объято духом (*animus*). То же, что не может быть охвачено мыслительной способностью, нельзя заключить в границы никакой науки (*scientia*), поэтому науки о бесконечном не существует. Однако Аристотель трактует здесь не о бесконечном [числе] обозначений вещей, но вводит десять предикаментов, к которым должно быть сведено бесконечное множество обозначающих звуков. Так, например, когда я говорю "человек", "дерево", "камень", "лошадь", "животное", "свинец", "олово", "серебро", "золото" и прочее в том же духе, [число] чего, разумеется, бесконечно, то все это сводится к одному только имени субстанции. Ведь эти [имена] и бесконечное [число] других имен включает одно имя субстанции. И, опять же, когда я говорю: "размером в две пяди", "в три пяди", "шесть", "четыре", "десять", "линия", "поверхность", "тело" или что-нибудь в этом же роде, [число] чего бесконечно, [все это] объемлется одним именем количества, ибо подпадает под [общее имя] количества. И далее, когда я говорю "белое", или "знание", или "хорошее", или "плохое", или что-нибудь подобное в этом роде, что так же бесконечно, все же находится одно имя, включающее все качества, и точно так же в других случаях.

Итак, Аристотель ограничил малым числом десяти предикаментов неопределенное и бесконечное множество различных вещей с тем, чтобы то, число чего бесконечно и что не может стать объектом научного исследования, ограниченное десятью своими родами, могло бы постигаться наукой (*scientia*). Следовательно, десять предикаментов, о которых мы говорим, суть роды для бесконечных значений, [данных] в звуках; но поскольку любое значение звуков относится к вещам, которые обозначаются звуками, в том, что они суть обозначающие, то [предикаменты] необходимо обозначают роды вещей. Итак, чтобы закончить с [вопросом] о назначении предикаментов, следует сказать, что в этой книге речь пойдет о первых звуках, обозначающих первые роды вещей, в том, что они суть обозначающие.

[Теперь], поскольку о назначении предикаментов уже сказано, нужно коротко осветить полезность этого труда. Ведь поскольку бесконечное [число] вещей обозначается так же бесконечным [числом] звуков и, как уже было сказано, не может подпасть под [рассмотрение] науки, этим ограничением (definitio), каковое совершается делением на десять предикаментов, мы приобретаем науку (disciplina) обо всех вещах и обозначающих звуках. Отсюда следует, что стремящимися к [изучению] логики эта книга должна быть прочитана первой, поскольку, так как вся логика строится на основании силлогизмов, а силлогизмы связываются посылками (propositio), посылки же состоят из слов (sermo), первая польза [этой книги] - познание того, что обозначает то или иное слово (sermo) определением особой науки. Это исследование десяти предикаментов также весьма полезно для нас при рассмотрении физического учения и моральной философии Аристотеля, что станет для изучающих более ясным из отдельных [случаев]. Поэтому содержание этой книги затрагивает также и порядок [учения]. Ведь так как простые вещи по природе предшествуют составным и составные образуются из простых, то эта книга Аристотеля, поскольку трактует о простых звуках, обозначающих вещи, согласно истинной природе самой простоты, является первой для начинающих.

Нет почти никакого сомнения, к какой части философии относится замысел этой книги. Действительно, тот, кто трактует об обозначающих звуках, будет в известной мере трактовать также и о вещах, поскольку вещь и обозначение вещей связаны. Но первично то исследование, которое относится к словам (sermo), и вторично - то, которое относится к смыслу (ratio) [17] вещей. И поскольку все искусство логики относится к речи (oratione) и в этом труде повествуется преимущественно о звуках, то, хотя эта книга и сопряжена с другими частями философии, она все же преимущественно относится к логике, о некоторым образом простых элементах которой, то есть о словах (sermo), я в ней прежде всего и рассуждал. И эта книга принадлежит Аристотелю, а не кому-то другому, потому что вся его философия согласуется с предметом данного труда, кроме того, сама краткость и тонкость [повествования] неотличимы от [характерных для] Аристотеля, к тому же труд, который он написал о силлогизмах, выглядел бы неоконченным и незавершенным, если бы он не предпослал бы ему [книгу] о посылках или пренебрег бы трактатом о первых звуках, из которых состоят посылки. Хотя есть еще и другая книга Аристотеля, повествующая о том же самом, почти того же содержания, пусть и отличная по речи, но [именно] эта книга [то есть "Предикаменты"] открывает счет собственным [работам Аристотеля]. Архит [18] также составил книги, которые назвал "katholoi logoi" ("Общие слова"), в первой из которых расположил эти десять предикаментов, отчего некоторые более поздние [писатели] подозревают, что изобретение такого деления принадлежит не Аристотелю и что то же написал муж пифагореец. Такого мнения придерживался философ Ямвлих [19], которому возражал Фемистий [20], полагавший, что [автором названного труда] был не Архит, пифагореец из Тарента, который был также другом Платона, но некий перипатетик Архит, который новому труду придал авторитет древностью имени.

Сохранились различные заголовки [трактата Аристотеля], поскольку одни называли [его книгой] о вещах, другие - о родах вещей; их сбила с толку одна и та же ошибка. Ведь, как мы уже сказали, в этом труде речь идет не о родах вещей, не о вещах, но о словах (sermo), обозначающих роды вещей. Об этом заявляет сам Аристотель, говоря: "Из того, что говорится без какой-либо связи, каждое обозначает или субстанцию или количество [и

т.д.] [21]. Если бы он производил деление вещей, то не говорил бы "обозначает"; ведь вещи обозначаются, но сами не обозначают [22]. Еще одним весомым доказательством того, что Аристотель рассуждал не о вещах, но о словах (*sermo*), обозначающих вещи, являются его следующие слова: "Каждое из названного само по себе не говорится в утверждение; утверждение получится при их связи друг с другом" [23]. Если же вещи соединятся, то они никоим образом не произведут утверждения, ибо утверждение пребывает в речи. Поэтому, если при соединении предикаментов производится утверждение (а утверждение пребывает только лишь в речи, и то, что соединяется для произведения утверждения, есть звуки, обозначающие вещи), то трактат о предикаментах повествует не о вещах, а о звуках; следовательно, неудачно называли [этот трактат книгой] о вещах или родах вещей. Иные отмечают, что [заглавие] этой книги должно читаться [как] "Антетопика", что весьма абсурдно. Почему же не лучше - "Антефизика", как будто для физики от этой книги меньшая польза? Почему не лучше озаглавить "Предоб истолковании" или "Антеаналитика" в связи с тем, что "Первые аналитики" читаются раньше "Топики" и книга "Об истолковании" предлагается начинающим для изучения раньше "Первых аналитик"? Поэтому надлежит отринуть саму мысль о таком заглавии и сказать следующее: поскольку существуют первые десять родов вещей, было необходимо, чтобы существовали десять простых звуков, которые сказываются о подлежащих вещах, ибо все, что обозначает, сказывается о той вещи, которую обозначает. Следовательно, книга должна быть названа "О десяти предикаментах".

Но, быть может, кто-нибудь скажет: почему [Аристотель] говорит о самих [вещах], если собственно предметом обсуждения являются звуки, обозначающие вещи? На это следует ответить, что поскольку вещи всегда связаны со своим знаком, то что бы ни происходило в вещах, это же можно обнаружить и относительно имен вещей: поэтому справедливо, [что Аристотель], говоря об именах, признал [зависимость] своеобразия (*proprietas*) обозначающих звуков от того, что ими обозначается, то есть от вещей.

Возможно, будет задан и другой вопрос: почему, если [Аристотель] здесь разделяет речь на десять предикаментов, в книге "Об истолковании" он проводит деление лишь на две части, а именно, на имя (*nomen*) и глагол (*verbum*)? Но отличие состоит в том, что там [Аристотель] разделяет фигуры слов, здесь же трактует о знаках, так что он сам себе не противоречит. Ведь в книге "Об истолковании" он размышляет об имени и глаголе, о том, каковы слова согласно некоторой фигуре: что одни могут изменяться по падежам, другие же распределяются по временам. Здесь же говорится не о [различии слов] согласно этим фигурам, но о звуках - то, что они суть обозначающие. Поэтому нет никакого противоречия в проведении различного деления различных вещей и смыслов: в данном случае [Аристотель] не разделяет речь, но распределяет сами имена по некоторому количеству родов. Ведь десять родов вещей суть не сообразно речи, и он делит звуки на десять предикаментов, о которых повествует сообразно обозначению вещей. И по той же причине было необходимо также некоторым образом примешать разговор о вещах, ведь (как уже было сказано) особенности (*proprietas*) проявляются в словах (*sermone*) никоим иным образом, кроме как от вещей; однако предметом обсуждения являются не столько собственно вещи, но предикаменты, то есть сами звуки, обозначающие вещи, - то, что они суть обозначающие.

Почему же, хотя речь идет о предикаментах, тем не менее в первую очередь трактуется об эквивокальном (*aequivoca*), унивокальном (*univoca*) [24] и об отыменном

(denominativa)? Безусловно потому, что излагающими [тот или иной предмет] всегда предпосылается нечто, посредством привлечения чего может быть облегчено обучение последующему: например, в геометрии прежде даются определения и только затем приводится ряд теорем. Так и здесь: все, что может иметь пользу при изучении предикаментов, Аристотель представил прежде, чем перешел к самим предикаментам. Теперь же, поскольку я закончил с тем, что следовало сказать в первую очередь, мы переходим к самому предмету изучения и к тексту. Какова же полезность эквивокального, унивокального и отыменного, будет разобрано сообразно смыслу (ratio) и определениям каждого из них.

Об эквивокальном

"Эквивокальным называется то, у чего одно только имя общее, а соответствующий имени смысл (ratio) субстанции различный, как, например, "животное" - и человек, и то, что нарисовано. Ведь у них общим является одно только имя, а соответствующий этому имени смысл (ratio) субстанции различный. Ибо если кто-либо покажет, что есть для каждого из них то, посредством чего они суть животные, то для каждого он укажет свой собственный смысл (ratio)" [25].

Любая вещь указывается или с помощью определения, или с помощью имени. Ибо мы или называем подлежащую вещь собственным именем, или же показываем, что она есть, посредством определения. Так, например, мы называем некую субстанцию именем человека и даем его определение, говоря: человек есть животное разумное, смертное. Следовательно, так как любая вещь разъясняется посредством определения или имени, то от этих двух, а именно определения и имени, происходят четыре различия. В самом деле, все вещи или связываются каким-либо именем или определением, как, например, человек и животное - оба ведь могут быть названы животными и оба связаны одним определением (действительно, и животное - субстанция одушевленная, чувствующая, и человек также субстанция одушевленная, чувствующая), и это называется унивокальным. Другое же - то, что не связано ни именами, ни определениями, как, например, огонь, камень, цвет, и различается природой своей субстанции, и это называется диверсивокальным (diversivoca). Третье же - то, что называется различными именами, но имеет единое определение и назначение, как, например, меч и клинок, ведь это - много имен, но то, что они обозначают, разъясняется одним определением, и это называется мультивокальным (multivoca). Четвертое же - то, что согласуется друг с другом по именам, но различается определениями: например, человек живой и человек нарисованный; они оба называются людьми или животными. Но если кто-либо захочет определить изображение и человека, то даст в каждом случае различные определения, и это называется эквивокальным.

Теперь, поскольку сказано, что есть эквивокальное, мы прослеживаем отдельные положения определения Аристотеля. Вещи, указывает он, не являются эквивокальными сами по себе, если не называются одним именем, поэтому, чтобы быть эквивокальными, они получают [наименование] от общего имени; правильно говорит [Аристотель]: "называются эквивокальными", ведь они не суть эквивокальные, но называются таковыми.

Эквивокация свойственна не только именам, но и глаголам, например, когда я (говорю): "я понимаю тебя" (complector te) и "я понимаем тобой" (complector a te). При этих обозначениях хотя и употребляется одно имя "complector", но в одном [случае] оно передает значение действия, а в другом - претерпевания, и потому это также является эквивокацией. Ибо одно имя, то есть "complector", разграничивается различными определениями действия и претерпевания. Также довольно часто эквивокация обнаруживается в предлогах и союзах, и поэтому когда Аристотель говорит: "у них одно только имя общее", то имя следует понимать как любое обозначение вещей звуком, то есть всякое слово, не только [имя] собственное или нарицательное, что касается того лишь

имени, которое может изменяться по падежам, но всякое обозначение вещей, посредством которого мы сказываем слова, данные вещам.

"Одно" употребляется двояко: во-первых, когда мы говорим, что нечто есть одно, как если бы мы сказали, что мир один, то есть единственный; во втором случае, когда мы высказываем с целью отличить одно от другого, как если бы кто-нибудь сказал: "у меня одна только туника", то есть, пет тоги, с целью отличения от тоги. Следовательно, именно это имел в виду Аристотель, когда говорил: "одно только имя общее", как если бы хотел, чтобы это было понято как "а не определение", ибо эквивокальное связывается именем, но различается определением.

"Общее" также сказывается многими способами. "Общим" называется то, что разделяется на части, и тогда не является уже совокупным общим, но собственно его частями, каждой в отдельности, как, например, дом. "Общим" называется и то, что не делится на части, но переходит поочередно в пользование обладателей, как, например, общий раб или конь. Также называется "общим" то, что в процессе использования становится чьей-либо собственностью, а после использования вновь становится общим, как, например, театр: ибо, пока я им пользуюсь, он мой, когда же уйду из него, становится общим. "Общим" называется и то, что, не делясь на части, одновременно и целиком достигает каждого, как, например, звук или слово (*sermo*) целиком и полностью достигает многих ушей в одно и то же время. Итак, сообразно этому последнему значению "общего" Аристотель утверждает, что для эквивокальных вещей общим является имя. Ибо и о человеке нарисованном, и о человеке живом, о них обоих, сказывается целое имя "человек".

"А соответствующий этому имени смысл (*ratio*) субстанции различный": посредством этого признака (*significatio*) [Аристотель] предпосылает, что если определения даются не сообразно имени, а как-либо иначе, то все определение будет довольно шатким и нетвердым. И в первую очередь надлежит сказать об особенностях определений. Ведь точные определения - те, которые обращаются: например, если ты скажешь: "Что есть человек? - животное разумное, смертное", это истинно; [и] "Что есть животное разумное, смертное? - человек", это также истинно. Если же кто-либо скажет так: "Что есть человек? - субстанция одушевленная, чувствующая", это истинно, [и] "Что есть субстанция одушевленная, чувствующая? - человек", последнее будет истинно не во всех смыслах, потому, что лошадь также субстанция одушевленная, чувствующая, но она - не человек. Итак, ясно, что безукоризненными являются те определения, которые могут обращаться. Но так происходит в тех [случаях, когда определения] даются не от общего [имени], а от одиночного (*unum*) [26], например, от имени "человек". Животное есть общее имя, и если кто-нибудь скажет: "Человек есть субстанция одушевленная, чувствующая", следует, что определение [неточно], если оно не обращается, поскольку дано от общего имени. Если же определение дано от одиночного имени, тогда определение должно образовываться от самого [этого] имени, однако это нужно делать правильно. Так, например, определение человека - "животное разумное, смертное", а не "субстанция одушевленная, чувствующая". Первое дано сообразно имени человека, второе - сообразно [имени] животного.

То же и с теми именами, которые сказываются о двух вещах как общие. Если не определять смысл субстанции согласно имени, может не раз случиться так, что они из унивокального станут эквивокальным, а из эквивокального - унивокальным. Ведь хотя

человек и лошадь сообразно имени животного суть унивокальное, они могут быть и эквивокальным, если их определить не сообразно имени. Ибо и человек и лошадь называются общим именем животного; если же некто дает определение человеку, говоря, что он есть животное разумное, смертное, и лошади - что она есть животное неразумное, издающее ржание, то он дал различные определения, и [данные] вещи были переведены из унивокального в эквивокальное. Это происходит потому, что определения были даны не сообразно имени животного, которое есть их общее имя, но сообразно имени человека и лошади. Ибо, если определение давалось бы согласно общему имени, которое есть "животное", то человек есть субстанция одушевленная, чувствующая, то есть сообразно имени животного, и, с другой стороны, лошадь есть субстанция одушевленная, чувствующая, опять же сообразно имени животного; ибо сообразно одному и тому же имени животного лошадь и человек сказываются унивокально. И наоборот, из эквивокального унивокальным становятся таким образом: например, некто скажет, что Пирр, сын Ахилла, и Пирр Эпирский суть унивокальные, потому что посредством одного имени и именуется Пирром, и суть животные разумные, смертные. Здесь определение дается сообразно имени человека, [и таким образом] оно создает унивокальное из эквивокального. Если же смысл определения был бы сообразно имени Пирра связан либо с родителями, либо с родиной, то их надлежало бы заключать в границы разных определений. Итак, правильно добавлено "соответствующее имени", потому что определение, данное как-либо иначе, не сможет быть надежным, и часто приводит к различным ошибкам.

"Смысл" (ratio) также сказывается многими способами. Есть ratio в значении "разум", есть ratio в значении "расчет", есть ratio в значении "причина", по примеру "происхождения", и есть ratio, которое дается в описаниях или определениях. И так как наивысшие роды рода не имеют, индивиды же не различаются никаким субстанциальным отличием, а определение дается на основании рода и отличительного признака, то невозможно отыскать никакого определения ни наивысших родов, ни индивидов. Однако определения подчиненных родов могут существовать, ибо они обладают и родом и отличительными признаками. То же, чему невозможно дать определение, различается лишь описаниями. А описание есть то, что обозначает какую-либо вещь посредством какой-либо неотъемлемой особенности. Итак, есть или определение, или описание, и оба обозначают смысл (ratio) субстанции. Поэтому когда Аристотель сказал о смысле (ratio) субстанции, то он включил и описание и определение.

Из эквивокального одно является таковым вследствие случая, другое - по договоренности. "Вследствие случая" - как, например, Александр, сын Приама, и Александр Великий. Ибо случайно вышло так, что они получили одно и то же имя. "По договоренности же" - все то, что [получило имя] по желанию людей. Из этого одно [получило имя] в силу сходства, как, например, человек нарисованный и человек живой, которые используются здесь Аристотелем в качестве примера; другое же согласно соразмерности (proportio), как, например, начало (principium), ибо начало есть для числа - единица (unitas), а для линии - точка. И говорится, что эта эквивокация - по соразмерности. Третье же эквивокальное - то, что происходит от чего-то одного, как, например, медицинский инструмент (medicinale ferramentum) и медицинское снадобье (medicinale pigmentum), ибо эта эквивокация происходит от одной медицины. А четвертое то, что относится к одному, например, если некто говорит: "движение полезно для

здоровья", "еда полезна для здоровья", - это является эквивокальным, конечно же, потому, что относится к одному имени здоровья.

Почему же [Аристотель] трактует об эквивокальном прежде, чем об унивокальном? Потому что десять предикаментов, хотя и различаются определениями, называются одним именем сказуемого (*praedicatio*). В самом деле, мы всех их называем предикаментами; сами же предикаменты есть роды вещей, поэтому сказываются о подлежащих [им] вещах унивокально. Ибо всякий род сказывается о своих собственных видах унивокально, а потому [Аристотель] более правильно трактует прежде об общем имени всех предикаментов, как если бы далее описывал, каким образом каждый из них сказывается о собственных видах. Если же (как было сказано) намерение его книги - [толковать] не о вещах, но об именах, то почему он говорит об эквивокальном, а не об эквивокации? Ведь эквивокальными являются вещи, эквивокация же - слово. Это так потому, что само имя не содержит в себе ничего от эквивокации, если не различаются вещи, о которых сказывается это слово. А потому отсюда следует: сама эквивокация выводит к субстанции, [так что] с самих [эквивокальных вещей] более достойно начинать.

Представляется, что существует и другой модус эквивокации, который Аристотель совершенно не принимал. Ибо, как говорят "нога (*pes*) человека", так же говорят и "шкот (*pes*) корабля", и "подножье (*pes*) горы", и прочее в том же роде, получающее имена посредством иносказания (*translatio*). Конечно, у иносказания нет ничего собственного. Поэтому не может быть эквивокального согласно иносказанию, если подлежащие вещи не называются собственными и неизменными именами. Таков их общий обзор. Но не всякое иносказание отделяется от эквивокации, а лишь такое, когда на вещи, имеющие установленное имя, для красоты переносится имя другой, уже названной вещи. Например, поскольку кого-то уже называют возницей, так же называют и кормчего; если кто-нибудь для красоты назовет того, кто является кормчим, возницей, то "возница" не будет являться эквивокальным именем, хотя бы оно и обозначало разное, то есть управляющего колесницей и кораблем. Но иногда вещь, не имеющая имени, берет имя от другой вещи. Тогда это иносказание удерживает свойство эквивокации, как, например, соответственно живому человеку имя человека сказывается о нарисованном. И достаточно об эквивокальном, далее речь пойдет об унивокальном.

Об унивокальном

"Унивокальным называется то, у чего общее имя и соответствующий имени смысл (ratio) субстанции один и тот же, как, [например], "животное" - [это] и человек и бык. Ведь оба они называются общим именем "живое существо" и [их] смысл (ratio) субстанции один и тот же. Ибо если кто-нибудь укажет смысл (ratio) того и другого, что есть то и другое, посредством чего они суть живые существа, он укажет один и тот же смысл (ratio)" [27].

Определив эквивокальное, [Аристотель] переходит к определению унивокального и не находит между ними никакого другого различия, кроме того, что эквивокальное определением (diffinitio) разделено, а унивокальное определением (terminus) связывается; но все прочее, что было сказано при определении эквивокального, подойдет также и при этом определении унивокального. Ведь как для эквивокального определение происходило сообразно имени эквивокальных вещей, так же и для унивокальных: смысл (ratio) субстанции указывается сообразно имени. Унивокальными являются роды видам или виды видам. Роды видам, как, например, животное и человек. Ибо, поскольку род человека - животное, человек называется животным, следовательно, и животное, и человек называются живыми существами. Итак, если ты определишь то и другое сообразно общему имени, то скажешь, что животное есть субстанция одушевленная, чувствующая, и человека, согласно тому, что есть животное, также назовешь субстанцией одушевленной, чувствующей, то не обнаружишь в этом ничего ложного. Так же и виды унивокальны видам [в том случае, если] объемлются одним и тем же родом, например, человек, лошадь и бык: их общий род есть животное и они называются общим именем животного. Итак, сообразно одному имени животного, которое является для них общим, приложен единый смысл (ratio) этого определения, ведь все они суть субстанции одушевленные и чувствующие. Следовательно, Аристотель приводит пример согласно второму значению унивокации (виды унивокальны видам, с которыми находятся под одним родом, как, например, человек и бык).

Об отыменных

"Отыменными называется все то, что имеет наименование, [полученное] от чего-то, в соответствии с [его] именем, отличаясь лишь флексией (casus), как, например, от "грамматики" - "грамотный", от "мужества" - "мужественный" [28].

В этом определении также нет ничего непонятного. В самом деле, древние называли флексиями (casus) некие изменения (transfiguratio) имен: например, от "справедливости" [образуется] "справедливый", от "мужества" - "мужественный" и т.д. Итак, это изменение имени называлось древними флексией. Также всякий раз, когда некая вещь участвует в другой [вещи], самым участием [этой вещью] обретается как вещь, так и имя. Например, некий человек, поскольку участвует в справедливости, перенимает от нее вещь и имя, ведь о нем говорят "справедливый" [29]. Итак, отыменными называется все то, что отлично от первоначального имени одной флексией, то есть одним изменением [окончания]. И если первоначальное имя - "справедливость", то от него производится измененное имя "справедливый". Следовательно, отыменными называется все то, что отличается от первоначального имени одной только флексией, то есть одним отличием [в окончании] имени, обладая наименованием сообразным первоначальному имени.

Существуют три необходимых [условия] установления отыменных имен: во-первых, реальное участие; во вторых, номинальное участие; в третьих, наличие некоего изменения [окончания]. Например, когда некто называется мужественным от мужества: есть ведь некое мужество, в котором участвует этот мужественный, а также он обладает сопричастностью имени, ведь называется мужественным. Кроме того, существует некое изменение [окончания]: ведь мужество и мужественный не оканчиваются на один и тот же слог. Если же дело обстоит так, что нет участия в вещи, то не может быть и участия в имени. Поэтому все то, что не принимает участие в вещи, не может быть отыменным. В равной степени и наоборот: то, что хотя и участвует в вещи, но не в имени, отлично от природы отыменных. Например, если некто, будучи добродетельным, участвует в самой добродетели, мы называем его "мудрым", и никаким другим именем. Однако "добродетельный" и "мудрость" различны по самому имени, следовательно, хотя он здесь и участвует в вещи, но не в имени. Потому говорится, что мудрый получает имя не от добродетели, но от мудрости, в который он, конечно же, и участвует, и связан именем, и отличается изменением [окончания]. Иначе, если отсутствует изменение [окончания]: например, некая женщина - музыкантша (musica); она при этом и сама участвует в искусстве музыки (musica), и называется музыкантшей (musica). Это наименование, следовательно, не отыменное, но эквивокальное, ибо одним именем "musica" называется и сама женщина, и наука. Ведь поскольку [в обоих случаях] имеет место окончание на одинаковый слог и сходное имя (nomen), и нет никакого изменения, они не могут быть отыменными. А потому все, что называется отыменным, участвует и в вещи, и в имени, и различается неким изменением слова.

Итак, Аристотель предварительно изложил то, что считал необходимым для предикаментов; мультивокальное же и диверсивокальное отверг, поскольку решил, что от них нет пользы для настоящего трактата. Но все же и то и другое надлежит кратко

определить. Мультивокальное - то, у чего много имен и одно определение, например, круглый щит (clipeus) и прямоугольный щит (scutum), или Марк Порций Катон: ведь столь многими именами обозначается одна подлежащая вещь. Диверсивокальное же - то, у чего ни имена, ни определения не суть одно и то же, например, человек, цвет, и все прочее, что полностью различается между собой и словесным наименованием, и смыслом определения.

{.}

О субстанции

"Субстанция, называемая так в собственном смысле слова, в первую очередь и в наивысшей степени, - это та, которая не сказывается о субъекте и не находится в субъекте, как, например, некий [30] человек или некая лошадь. Вторыми же субстанциями называются виды, к которым принадлежат те, которые называются субстанциями в первую очередь. И они, и роды этих видов. Например, некий человек принадлежит к виду "человек", а родом для этого вида является "животное". Итак, эти [вещи], например "человек" и "животное", называются вторыми субстанциями" [31].

Спрашивается, почему Аристотель начал трактат о предикаментах с субстанции? А потому, что любая вещь или находится в субъекте или в субъекте не находится; и что бы ни находилось в субъекте, нуждается в субъекте, так как не может существовать в собственной природе. И так как субстанция субъектна всем вещам, ничто из того, что находится в субъекте, не сможет существовать вне субстанции. Но первичной является та природа, без которой другая не может существовать, поэтому представляется, что субстанция первична по природе. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что Аристотель в [своем] исследовании прежде рассмотрел то, что первично по природе; и хотя он не смог дать определение субстанции, но после вышеприведенного примера он дает описание, посредством которого мы можем узнать, что есть собственно субстанция: это то, что не находится в субъекте, ибо субстанция не находится в субъекте.

[Аристотель] производит некое деление субстанций, когда говорит, что одни суть первые, а другие - вторые, называя первые индивидуальными, а вторые родами и видами индивидуальных. Итак, хотя для первых и вторых субстанций общим является то, что они не находятся в субъекте, в отношении первых субстанций добавлено: "не сказываться о субъекте", [и таким образом Аристотель] отличает первые субстанции от вторых. Ведь индивидуальная субстанция, поскольку она субстанция (*in eo quod est substantia*), не находится в субъекте, а в том, что она индивидуальна, она не сказывается о субъекте. Итак, первые субстанции - те, которые не находятся в субъекте и не сказываются о нем, как, например, Сократ или Платон. Ведь они, поскольку суть субстанции, не находятся ни в каком субъекте, а так как частны и индивидуальны, то не сказываются ни о каком субъекте. Вторые же субстанции, для которых общим с первыми субстанциями является то, что они не находятся в субъекте, [обладают] особенностью (*proprium*) "сказываться о субъекте"; эти вторые субстанции универсальны, например, "человек", а также "животное", ибо человек и животное не находятся ни в каком субъекте, но сказываются о некоем субъекте. Таким образом, первые субстанции суть частные, вторые - универсальные.

"Субстанциями в собственном смысле" слова Аристотель называет индивидуальные субстанции потому, что самый вид "человек", а равно и "животное", которое есть род, мы собираем (*colligere*) только лишь из познания индивидуального. А так как общность познается (*intelligere*) из чувственных восприятий (*sensus*) единичного, то с полным основанием субстанциями в собственном смысле называются индивидуальные и единичные. Индивидуальные субстанции названы "субстанциями в первую очередь"

потому, что любая акциденция прежде привходит в индивиды, и только затем - во вторые субстанции. Ведь поскольку Аристарх есть грамматик и Аристарх есть человек, человек есть грамматик. Итак, утверждается, что прежде любая акциденция привходит в индивид, и только затем эта акциденция привходит в виды и роды субстанций. Следовательно, правильно, что прежде существует субъект, он и называется субстанцией в первую очередь.

А "[субстанцией] в наивысшей степени" первая субстанция названа потому, что та [субстанция], которая наиболее субъектна прочим вещам, может быть названа субстанцией в наивысшей степени. А наиболее субъектна первая субстанция, прочее же либо находится в первых субстанциях, либо сказывается о них как, например, роды и виды. Ведь роды и виды сказываются о своих индивидах, как "животное" и "человек" сказываются о Сократе, то есть вторые субстанции о первых. Если же [речь идет] об акциденциях, то они в первую очередь находятся в первых субстанциях. А так как и акциденции находятся в первую очередь в первых субстанциях, и вторые субстанции сказываются о первых, то первые субстанции субъектны вторым субстанциям и акциденциям. И поскольку они субъектны в наивысшей степени и суть субсистенции [32]акциденций и о них сказываются вторые субстанции, то они называются "субстанциями в наивысшей степени".

[Аристотель] говорит, что не все виды и не все роды являются вторыми субстанциями, но лишь те, которые содержат первые субстанции, как, например, "человек" и "животное". Ибо "человек" содержит Сократа, то есть некую индивидуальную субстанцию. А "животное" содержит индивида и вид, то есть "человека" и некоего человека. Поэтому Аристотель полагает, что роды и виды, которые сказываются о первых субстанциях, сами являются вторыми субстанциями, говоря об этом так: "вторыми же субстанциями называются виды, к которым принадлежат те, которые называются субстанциями в первую очередь; они и роды этих видов", и затем приводит подходящие примеры, как если бы говорил: "Не всякий род и не всякий [вид] я называю субстанцией, но лишь те виды, к которым принадлежат эти индивиды, то есть первые субстанции, и роды этих видов, содержащих первые субстанции". Это, надо полагать, сказано для того, чтобы кто-нибудь не подумал, что цвет, который есть род, или белое (*album*), которое есть вид, являются вторыми субстанциями, ведь они не содержат под собой первых [субстанций].

Однако кто-нибудь может сказать: каким образом индивидуальные субстанции могли быть первичными, если все то, что первично, будучи уничтоженным, уничтожает то, что является последующим, а когда исчезает последующее, более раннее не уничтожается? В самом деле, если погибнет "человек", тотчас же исчезнет и Сократ, если же исчезнет Сократ, "человек" не будет немедленно уничтожен. Следовательно, если с уничтожением родов и видов индивиды исчезают, а при уничтожении индивидов роды и виды сохраняются, было бы правильнее назвать роды и виды первичными субстанциями. Но таким образом природа индивидов понимается неверно, ибо субстанция индивидов не заключена целиком в одном Сократе или в каком-нибудь одном человеке, но во всех единичных [людях]. Ведь роды и виды постигаются не из одного единичного, но схватываются умозрением (*ratio mentis*) из всех отдельных индивидов. В самом деле, мы всегда предпочитаем то, что сходно в чувственных восприятиях, весьма похоже обозначать словами. Тот же, кто первым наименовал человека, не представлял себе (*conspicere*) [человека], собранного из единичных людей, но [представлял] в уме некоего

единичного индивида, которому и дал имя человека. Итак, с уничтожением единичных людей не сохранится и "человек", и при уничтожении единичных животных исчезнет и "животное". Поскольку же в этой книге речь идет о значении слов, те [субстанции], которые прежде получили имена, [Аристотель] с полным основанием назвал первыми субстанциями; прежде же имена получило то, что раньше могло быть воспринято чувствами. А чувствам подлежат первые индивиды, поэтому [Аристотель] обоснованно располагает их в делении первыми.

Таким же образом разрешается и другая проблема, которая заключается в следующем: при том, что первые умопостигаемые по природе [вещи] суть субстанции, как, например Бог и ум, почему же не их Аристотель именует первичными субстанциями? Потому, что здесь идет речь об именах, имена же сперва были даны тому, что в первую очередь являлось субъектами чувственного восприятия, любое же из того, что относится к умопостигаемой бестелесности, в получении имен считается последующим. А так как в этом труде трактуется в первую очередь об именах, то индивидуальным субстанциям, которые первые подлежат чувствам, посвящены первые слова в труде, повествующем о словах, и по нраву индивидуальные и чувственно воспринимаемые субстанции рассматриваются как первые субстанции.

Хотя существуют три субстанции (материя, форма [species] [33] и та, которая производится из этих двух, во всех отношениях составная и совокупная субстанция), здесь повествуется не об одной только материи или одной только форме (species), но о соединении и смешении их обоих. Части же субстанции, форма (species) и материя, из которых состоит сама субстанция, несоставны и просты. Аристотель упоминает их позже, говоря между делом, что части субстанций и сами являются субстанциями. И довольно об этом. Теперь перейдем к следующему.

"Из сказанного очевидно, что у того, что сказывается о субъекте, необходимо сказывается [о субъекте] и имя и смысл (ratio), как, например, "человек" сказывается о субъекте - некоем человеке. Его имя сказывается следующим образом: ведь ты скажешь "человек" о некоем человеке. Смысл (ratio) "человека" также будет сказываться о субъекте - некоем человеке, ведь некий человек и человек, и живое существо; так что о субъекте будет сказываться и имя, и смысл (ratio). У того же, что находится в субъекте, в большинстве случаев ни имя, ни смысл (ratio) не сказываются о субъекте. Иногда, в определенных случаях, ничто, однако, не препятствует тому, чтобы имя сказывалось о субъекте; смысл (ratio) же не может сказываться. Так, например, белое, находясь в субъекте - в теле - сказывается о субъекте, ведь о теле говорится, что оно белое; смысл (ratio) же белого никогда не сказывается о теле. А все прочее или говорится о субъектах - первых субстанциях, или находится в них как в субъектах. Это ясно из того, что полагается через единичное: животное, например, сказывается о человеке, следовательно, и о некоем человеке; ведь если бы [оно не сказывалось] ни об одном из определенных людей, то [не сказывалось бы] и о человеке вообще. Опять же, цвет находится в теле, следовательно, в каком-либо [определенном] теле, если же его нет ни в одном из единичных [тел], то нет и ни в каком теле вообще. Таким образом, все прочее или говорится о субъектах - первых субстанциях или находится в них - в субъектах. Следовательно, если бы не существовало первых субстанции, то не было бы возможным существование ничего иного" [34].

Все, о чем было сказано, либо находится в субъекте, либо сказывается о субъекте. Но не все, что находится в субъекте, сказывается о своих собственных субъектах. Действительно, то, что находится в каком-либо субъекте, [иногда] сказывается о своем субъекте. Так, например, "белое" сказывается о теле, ведь о теле говорится, что оно белое. Но, поскольку вторые субстанции есть для первых либо виды, либо роды (например, для Сократа видом является "человек", родом - "животное"), а род сказывается о субъектных [ему] видах и индивидах унивокально, то вторые субстанции сказываются о субъектных [им] видах посредством унивокальной предикации. В самом деле, если произведено одно определение первых и вторых субстанций, то оно совпадает. Ведь и животное, и человек, и Сократ связываются одним определением, ибо они суть субстанции одушевленные и чувствующие. Следовательно, вторые субстанции, сказываясь о своих субъектах, то есть о первых субстанциях, сказываются унивокально.

Иногда же самое имя того, что находится в субъекте, не сказывается о субъекте. Так, добродетель находится в душе, но никоим образом не сказывается о душе. А иногда [имя того, что находится в субъекте], сказывается отыменно. Так, например, поскольку грамматика находится в человеке, то он отыменно называется грамотным от грамматики. Однако, часто и самое имя [находящегося в субъекте] сказывается о субъекте. Например, поскольку белое находится в теле, о теле говорят, что оно белое. Но [возможно только следующее]: либо имя не сказывается, либо сказывается как отыменное, либо же предикация осуществляется посредством собственного имени. Определение того, что находится в субъекте, о самом субъекте никогда не сказывается. Так, например, "белое": поскольку оно находится в субъекте - теле, - имя белого сказывается о теле, но определение белого никоим образом не сказывается о теле. Ведь белое или тело не могут определяться посредством смыслов (ratio) друг друга. Далее, если любая акциденция находится в субъекте и субъект является субстанцией, субстанция отличается от акциденции, отличается также и определение субстанции и акциденции, так что определение субъекта и того, что находится в субъекте, не может быть одним и тем же. И это то, о чем говорит [Аристотель]: "У того же, что находится в субъекте в большинстве случаев ни имя, ни смысл (ratio) не сказываются о субъекте", как добродетель о душе. И добавляет: "Иногда, в определенных случаях, ничто, однако, не препятствует тому, чтобы имя сказывалось [о субъекте]", в одних случаях - отыменно, в других - собственным именем. Что же касается сказуемого вторых субстанций, то оно всегда приводит к первым субстанциям. Ведь если некий человек - и человек, и животное, и прочее, то и человеку и некоему человеку подходит одно определение животного.

Но все же сам Аристотель весьма явно показывает, что индивидуальные и частные субстанции являются субстанциями в большей степени. Так как любая вещь - это или субстанция, или акциденция, из субстанций же одни - первые, а другие - вторые, то получается тройное деление, так что всякая вещь или акциденция, или первая субстанция, или вторая. А для того, чтобы их деление произошло согласно описанию, мы говорим таким образом: всякая вещь или находится в субъекте, или в субъекте не находится; из тех, которые находятся в субъекте, одни сказываются о субъекте, другие нет; из тех, которые не находятся в субъекте, одни не сказываются о субъекте, другие же сказываются. Итак, всякая вещь либо находится в субъекте, либо в субъекте не находится. Она или находится в субъекте и сказывается о субъекте, или находится в субъекте и не сказывается ни о каком субъекте, или не находится в субъекте и сказывается о субъекте,

или не находится в субъекте и не сказывается ни о каком субъекте. Следовательно, если мы, приняв это, отделим первые субстанции, останутся вторые субстанции и акциденции. Но вторые субстанции - те, которые не находятся в субъекте и сказываются о субъекте. Поэтому они удерживают свое бытие, только лишь сказываясь о других. Сказываются же вторые субстанции о первых, следовательно, предикация относительно первых субстанций является причиной существования вторых субстанций. Ведь вторые субстанции не существовали бы иначе как сказываясь о первых; то же, что находится в субъекте, совершенно не имело бы возможности для существования, если бы каким-либо образом не опиралось на первые субстанции как на основание.

Итак, все существующее, кроме первых субстанций, будет или вторыми субстанциями, или акциденциями. Но вторые субстанции сказываются о первых субстанциях, а акциденции находятся в первых субстанциях. Поэтому все или сказывается о первых субстанциях, как вторые субстанции, или находится в первых субстанциях, как акциденции, что Аристотель изложил следующим образом: "а все прочее или говорится о субъектах - первых субстанциях, или находится в них, как в субъектах", что подкрепил также наидостовернейшими примерами. Действительно, он утверждает, что если акциденция не находится ни в каком субъекте - теле, то и не в каком теле вообще. Ибо если говорится, что [акциденция не находится] ни в чем из единичного, то и ни в чем вообще. Равным образом если "животное" не сказывается о единичных и индивидуальных людях, то не сказывается ни о каком человеке вообще. Поэтому вторые субстанции сказываются в силу того, что существуют первые, а некие акциденции существуют потому, что первые субстанции являются для них субъектами. Если бы первые субстанции не существовали, не могло бы существовать ни то, что о них сказывается, ни то, что находится в них как в субъектах.

"Из вторых субстанций вид в большей степени субстанция, чем род, ведь он ближе к первой субстанции. Ибо если кто-нибудь стал бы указывать, что есть первая субстанция, то он укажет более наглядно и подобающе, назвав вид, нежели род. Так, указывая некоего человека, он явственнее укажет, указав [вид] "человек", чем [род] "животное". Первое в большей степени свойственно некоему человеку, второе - общему. И когда указываешь некое дерево, то явственнее укажешь, указывая [вид] "дерево", нежели [род] "растение"" [35].

Известно, что индивидуальные субстанции суть субстанции первые, наивысшим образом и в собственном смысле слова. Вторые же субстанции, то есть роды и виды, как не одинаково удалены от первой субстанции, так и не являются субстанциями в равной степени. Ведь так как вид ближе к первой субстанции, нежели род, он в большей степени субстанция, нежели его собственный род. Так, "человек" ближе к Сократу, нежели "животное", и по этой же причине "человек" в большей степени субстанция. Хотя "животное" и само является субстанцией, но в меньшей степени, нежели "человек". Это происходит потому, что в любом определении вид более подходяще сказывается о первой субстанции, нежели род. Ибо если кто-нибудь желает указать, что есть Сократ, то покажет более близкую и свойственную Сократу субстанцию, если скажет, что он - человек, нежели животное. То, что Сократ - животное, обще с другими, которые не суть люди, как, например, лошадь или бык. А то, что он человек, не является общим ни с чем другим, кроме как с теми, кто содержится под видом "человек". Поэтому обозначение будет ближе к значению, когда индивид указывается посредством вида, нежели когда сказывается имя

рода. И точно так же, если кто-нибудь, желая обозначить какое-либо индивидуальное дерево, назовет его деревом: он более близко обозначит, что есть то, что он определяет, чем когда назовет [дерево] растением. Растение же есть род дерева, и оно сказывается также о том, что не является деревьями, например о капусте или о латуке. А потому не подлежит сомнению, что виды в большей степени субстанции, так как ближе к первым и в высшей степени субстанциям, поэтому означенный вид указывает на то, что есть это, более подходяще и наглядно, род же - более отдаленно и обще.

"Далее, первичные субстанции называются субстанциями в высшей степени потому, что они субъектны всему прочему, и все прочее либо сказывается о них, либо находится в них. И как первоначальные субстанции относятся ко всему прочему, так и вид относится к роду: вид субъектен роду, ведь роды сказываются о видах, но не наоборот, вид о родах. А потому и из этого ясно, что вид в большей степени субстанция, чем род" [36].

[Аристотель] вновь подтверждает посредством более веского доказательства то, что виды суть субстанции в большей степени; он разъясняет, что это обстоит так, через подобие. Ибо поскольку все субстанции - либо первые, либо вторые, вторые же - либо роды, либо виды, то тот из видов или родов, который найден более подобным первым субстанциям, будет обоснованно считаться субстанцией в большей степени. Но первые субстанции потому называются субстанциями в высшей степени, что они субъектны всему, так что прочее или находится в них, как акциденции, или сказывается о них, как вторые субстанции. Таким образом, то, что привходит в первые субстанции, то же и в виды, ведь виды субъектны всем акциденциям и о видах сказываются роды, но виды не сказываются о родах. Поэтому роды субъектны не в той же степени, что и виды. Ибо виды не сказываются о родах. Следовательно, как первые субстанции субъектны вторым субстанциям и акциденциям, так и виды субъектны акциденциям и родам. А роды, хотя они и субъектны акциденциям, видам все же не субъектны. Поэтому у вида имеется большее подобие по отношению к первым субстанциям, нежели у рода. А если у видов имеется большее подобие по отношению к субстанциям в высшей степени, то они и сами будут субстанциями в большей степени.

Но пусть кто-нибудь не подумает, что мы говорим: те, что суть роды, видами быть не могут, [ведь мы имеем в виду только то], что они не могут быть видами в том, что они суть роды. Ведь [вид], в том, что он есть вид, не сказывается о более высоких [родах], в том же, что он есть род, он сказывается о том, чьим родом он является. Поэтому сами роды не могут быть субъектными тому, родами чего они являются, а виды не могут сказываться о том, видами чего они суть.

"Из самих же видов, не являющихся родами, ни один не является субстанцией в большей степени, чем другой. Не более близко укажешь некоего человека, указывая [вид] "человек", чем когда укажешь некую лошадь, указывая [вид] "лошадь". Также и одна первичная субстанция не в большей степени субстанция, чем другая, ведь некий человек не в большей степени субстанция, чем некий бык" [37].

Сказано также (как учил Порфирий в книге о родах, видах, отличительных, собственных и привходящих признаках), что одни [вещи] суть только роды, род которых найти невозможно, другие - только виды, которые не могут быть разделены на другие виды. Это те, которые сказываются в отношении того, что есть это (*in eo quod quid sit*), о многих различных по числу [индивидах], расположенных под своим видом и не различающихся между собой характером (*figura*) своей природы: например, "человек"

сказывается о единичных людях, "лошадь" - о единичных лошадях, "бык" - о единичных быках. Итак, подобные виды, которые главенствуют над одними только индивидами, такие как "человек" или "лошадь", поскольку не могут быть родами, всегда являются равными субстанциями. Ведь имя "лошадь" столь же близко соотносится с некоей индивидуальной лошастью, сколь и имя "человек" - с неким индивидуальным человеком. Поэтому если виды, которые не являются родами, одинаково отстоят от первых субстанций, то справедливо считается, что они суть равные субстанции: (Аристотель) говорит, что не все виды суть равные субстанции, но только те, которые равно удалены от первых субстанций.

Может случиться и так, что какой-нибудь один вид некоего более высокого рода, будучи сравниваемым с определенным видом [того же рода], окажется в меньшей степени субстанцией, чем этот другой. Так, если кто-нибудь назовет видом животного птицу и человека, то "птица" и "человек" не будут равными субстанциями, так как "птица" выше "человека". Ведь "человек" не делится на другие виды, и есть в большей степени вид. "Птица" же может делиться на другие виды, например, на "ястреба" и "коршуна", которые хотя и являются по виду птицами, однако друг с другом не одинаковы. "Ястреб" или "коршун" суть виды в собственном смысле слова, и они главенствуют над одними только индивидами. А потому "человек" и "ястреб" одинаково отстоят от первых субстанций и суть равные субстанции. "Человек" же и "птица", поскольку "птица" выше "человека", не равные субстанции, ведь "человек" - в большей степени субстанция. Следовательно, те виды, которые одинаково отстоят от своих индивидов являются равными субстанциями. Поэтому виды, которые не являются родами, равноудалены от первых субстанций и называются равными субстанциями.

Очевидно, как не требующее пояснения, что первые субстанции также суть равные субстанции. Ведь некий человек и некая лошадь, поскольку они суть индивиды, суть субстанции в первую очередь, в собственном смысле слова и в высшей степени. Поэтому среди субстанций в высшей степени ни меньшую, ни большую найти невозможно. Индивиды, следовательно, суть равные субстанции.

"Справедливо, что после первых субстанций из всего прочего одни только виды и роды называются вторыми субстанциями: из всего, что сказывается, только они указывают на первичную субстанцию. Действительно, если кто-нибудь будет указывать, что есть некий человек, указывая вид или род, "человек" или "животное", он укажет [его] более близко и ясно. А указав что-нибудь из иного, например, "белый", или "бежит", или что-либо подобное, он будет указывать чуждое. Поэтому справедливо, что из всего прочего только [виды и роды] называются вторыми субстанциями" [38].

Аристотель показывает, что по порядку и подобающе после первых, то есть индивидуальных субстанций, расположены виды и роды, являющиеся вторыми субстанциями, [чему] имеется прочное и надежное доказательство, ибо он говорит, что после первых субстанций роды и виды правильно называются вторыми субстанциями. Ведь в определениях, где выявляется субстанция чего-либо, ничто не указывает на первую субстанцию, кроме рода и вида. Ибо о Сократе, если кто-нибудь спросит, что он такое, скажут: человек или животное; и спрашиваемый о том, что такое Сократ, правильно ответит: человек или животное. Следовательно, вторые субстанции показывают, что такое первые; поэтому, если кто-нибудь, [отвечая] на вопрос, "что есть первая субстанция", назовет [ничто] помимо вторых субстанций, он выскажется в высшей степени неуместно,

как если бы спрашивающему, что есть Сократ, некто ответил: "белое", или "бежит", или что-нибудь подобное, не являющееся второй субстанцией; он никогда не назовет ничего подходящего, если выскажет о первой субстанции что-либо, кроме второй. А потому ничего из того, что не является вторыми субстанциями, не разъясняет, что есть первая субстанция; вторые же субстанции суть роды и виды, поэтому правильно, что после первых субстанций виды и роды называются вторыми субстанциями.

"Далее, первичные субстанции благодаря тому, что они субъектны всему остальному и все остальное либо сказывается о них, либо в них находится, называются субстанциями в собственном смысле слова. И как первые субстанции относятся ко всему прочему, так же ко всему остальному относятся виды и роды первичных субстанций. О них ведь сказывается все остальное: действительно, некоего человека назовешь грамотным, следовательно, назовешь грамотным и человека и животное; так же и во всем прочем" [39].

Это доказательство той же вещи, посредством которого [Аристотель] достовернейшим образом подтверждает, что роды и виды правильно расположены после первых субстанций. Ведь об индивидах говорится, что они суть первые субстанции и что они подлежат всему остальному потому, что они подлежат предикации вторых субстанций и вторые субстанции сказываются о них, и потому, что они подстоят (subdare) акциденциям так, что те могут существовать. Поэтому [индивиды] являются первыми субстанциями.

И как первые субстанции субъектны акциденциям, так же и вторые. Ведь поскольку некий человек субъектен акциденциям, акциденции подложены (supponitur) и [вид] "человек" и [род] "животное", и поскольку некий человек, то есть Аристарх, является грамотным, то является грамотным [вид] "человек", а также [род] "животное". Поэтому первые субстанции субъектны акциденциям в первую очередь, вторые же - во вторую очередь, и как первые субстанции субъектны и акциденциям, и вторым субстанциям, так и вторые субстанции подложены акциденциям. А вторые субстанции суть виды и роды. Следовательно, правильно установил [Аристотель], что после первых субстанций роды и виды являются вторыми субстанциями.

"Для всех субстанций является общим не находиться в субъекте. Действительно, первая субстанция не сказывается ни о каком субъекте и не находится в субъекте. Относительно вторых субстанций это также несомненно, поскольку ни одна из них не находится в субъекте. Ведь [вид] "человек" сказывается о субъекте - некоем человеке, но он не находится в субъекте, ибо "человек" не находится в некоем человеке. Точно так же о субъекте - некоем человеке - говорится как о животном, но животное не находится в некоем человеке" [40].

После перечисления субстанций и деления, в котором [Аристотель] объявляет, что одни [из субстанций] первые, а другие вторые, он, поскольку не дано никакого определения субстанции (ибо наивысший род не имеет определения), стремится отыскать некое особое свойство (proprietas), как бы некий знак (signum), посредством которого мы можем познать субстанцию, и прежде указывает, что может быть характерным для самих субстанций вообще, а затем исследует то, что является для них собственным признаком. Он начал с этого для того, чтобы без какой бы то ни было ошибки перейти к этому истинному собственному признаку и показать, что подлинным собственным признаком субстанций является последний [из трех перечисленных ниже].

[Термин] "собственный признак" употребляется в трех значениях. В первом случае он есть то, что свойственно всему определенному виду, и не только ему одному, например, для человека - быть двуногим. Ведь всякий человек имеет две ноги, но не только он - птицы также двуноги. Или же, [собственный признак] есть то, что свойственно только одному виду, и не всему, как, например, тому же человеку свойственно знать грамоту, но не всякому человеку, и, действительно, не всякий человек грамотен. Третье же значение собственного признака таково: он свойствен всему виду, и только ему одному, и всегда, как, например, [человеку] - способность смеяться. Ведь всякий человек способен смеяться, и человек - единственное животное, которое смеется.

Итак, два первых из указанных [значений] (всему [виду] и не только одному ему и только одному [виду], но не всему) мы назовем некими собственными признаками, которые, как представляется, далеки от истины собственных признаков. Тот же третий (присуще всему виду и только ему одному) действительно есть собственный признак. Те [собственные признаки], которые были упомянуты ранее, не являются подлинными и называются "сопутствующими", этот же последний есть истинно собственный признак. Следовательно, Аристотель, какие бы он ни нашел собственные признаки такого рода, то есть те, которые [свойственны] одним только субстанциям, но не всем или всем, но не им одним, отклоняет их как неистинные по отношению к определенной природе чего-либо. Истинным же он полагает тот последний, который подходит всякой субстанции и только ей одной. В самом деле, собственные признаки суть то, что обращается, как, например, то, что является человеком, способно смеяться, а то, что способно смеяться - человек. А способно обращаться только то, что свойственно всему [виду] и только ему одному, ибо не подходит чему-то иному в большей или меньшей степени. Предварительно отметив это, мы переходим к речи [Аристотеля] и изложению самого [соответствующего] места [из его книги].

Итак, Аристотель говорит следующее: "для всех субстанций является общим не находиться в субъекте". В самом деле, первые субстанции, то есть индивиды, не находятся в субъекте, что совершенно ясно демонстрируется следующим: частная субстанция никоим образом не может быть акциденцией чему-либо. Однако вторые субстанции имеют видимость нахождения в субъекте, поскольку создается впечатление, что вторые субстанции находятся в субъектах, то есть в первых субстанциях, но это ложно: вторые субстанции только сказываются о первых субстанциях, но не находятся в них. Ибо животное только сказывается о некоем человеке, но не находится в нем как в субъекте. Это доказывает то обстоятельство, что индивиды всего того, что находится в субъекте, также находятся в субъекте. Например, поскольку цвет находится в субъекте - теле, и некий [определенный] цвет опирается на субъект - тело. Здесь же, поскольку первые субстанции, то есть индивиды, не находятся в субъекте, то и их универсалии, то есть вторые субстанции, которые суть роды и виды, не могут опираться ни на какой субъект. А потому вторые субстанции соотносятся с первыми лишь как с субъектами предикации, но не находятся в них как акциденции. Вот еще один важнейший аргумент, подтверждающий, что вторые субстанции не находятся в субъекте: все, что находится в субъекте, может изменяться, субъектная же [субстанция] не меняется. Так, цвет, находящийся в теле, остающемся тем же самым, может изменяться, например, становиться из черного белым. Вторые же субстанции не изменяются, если не изменяются первые субстанции.

Доказательство же того, что вторые субстанции не находятся в субъекте, которое предлагает сам Аристотель, таково: сперва он учит, что у того, что находится в субъекте, только имя может сказываться о субъектах, смысл (ratio) же - никогда. Ведь если белое находится в теле, то говорится, что тело белое, и белизна сказывается о теле, однако, тело имеет одно определение, а белизна - другое. Вторые же субстанции и сказываются о первых посредством имени и связаны определением. В самом деле, некий человек - это и человек, и живое существо, но некий человек определяется смыслом (ratio) как человека, так и животного. И, согласно справедливейшему замечанию, все, что находится в субъекте, сказывается о субъекте эквивокально. Вторые же субстанции сказываются о первых не эквивокально, но унивокально, потому что, как уже было сказано, согласуются и именем и определением. Поэтому как первые субстанции не находятся в субъекте, так же лишены субъекта и вторые. Следовательно, не находиться в субъекте - общее для всех субстанций, и для вторых, и для первых, и, какая бы ни была субстанция, [из вышесказанного] следует, что она не находится ни в каком субъекте.

Но, спрашивается, присуще ли данное [свойство] одной только субстанции или чему-либо еще? Ведь если это присуще одной только субстанции, то [данное свойство] - не находится в субъекте, поскольку оно, как мы показали, присуще всем субстанциям, - будет именоваться подлинным собственным признаком субстанции. Ведь истинным собственным признаком является тот, который присущ всему [виду] и только ему одному; однако это [свойство - не находится в субъекте], не является собственным признаком субстанции, что Аристотель и подтверждает правдоподобнейшим доказательством, говоря:

"Далее, ничто не мешает, чтобы имя того, что находится в субъекте, иногда сказывалось о субъекте, для смысла (ratio) же это невозможно. Напротив, у вторых субстанций и имя, и смысл (ratio) будут сказываться о субъекте: ведь ты выскажешь о некоем человеке смысл (ratio) человека и животного. Поэтому субстанция не будет относиться к тому, что находится в субъекте. Это, однако, не является собственным признаком субстанции, ведь и отличительный признак (differentia) принадлежит к тому, что не находится в субъекте: в самом деле, о субъекте - каком-либо [отдельном] человеке - говорится как о способном ходить (gressibile); но это не находится ни в каком субъекте: ни "двуногое" ни "способное ходить" не находятся в человеке. Также и смысл (ratio) отличительного признака сказывается о том, о чем сказывается сам отличительный признак, например, если "способное ходить" сказывается о человеке, то и смысл (ratio) "способного ходить" сказывается о человеке, ведь человек способен ходить" [41].

Аристотель утверждает, что ["не находится в субъекте"] не является собственным признаком субстанции, так как это же свойственно равным образом и отличительным признакам, ведь отличительный признак не находится ни в каком субъекте. [Для разъяснения этого Аристотель] прибегает к следующему [доказательству]: если бы отличительный признак находился в субъекте, то одно только его имя сказывалось бы о субъекте, но не смысл (ratio). Отличительный же признак сказывается о том, о чем он сказывается, унивокально, например, если кто-либо выскажет о человеке отличительный признак "способное ходить", то определение этого отличительного признака также весьма удачно подойдет человеку. Ведь "способное ходить" есть то, что передвигается ногами по земле, и человек есть то, что передвигается ногами по земле. Таким образом, смысл (ratio) субстанции отличительного признака [42] и того, о чем сказывается сам отличительный

признак, может быть одинаковым, то есть они могут быть связаны сказыванием единого имени и ограничением единого определения. Так что если бы отличительный признак находился в субъекте, то он никоим образом не мог бы сказываться о субъекте унивокально. Поэтому собственным признаком субстанции не является то, что относится также и к отличительному признаку, ибо отличительный признак не есть субстанция, [ведь будь так], "не находится в субъекте" было бы собственным признаком субстанции.

Но, с другой стороны, отличительный признак не является акциденцией, ведь [в таком случае он] находился бы в субъекте. Однако любая вещь является или субстанцией или акциденцией, то есть или находится в субъекте или в субъекте не находится, и акциденции суть все то, что не входит в субстанцию субъекта, и когда они изменяются, природа субстанции остается неизменной. Если же при их исчезновении субъекты будут уничтожены, то мы не сможем назвать их акциденциями в полном смысле слова. Что же касается отличительного признака, то он есть то, что сказывается о многом, отличном по виду, в том, каково это (*in eo quod quale sit*). Но отличительный признак не есть субстанция, ибо если бы он был субстанцией, то сказывался бы о субъекте в отношении того, что это, но не "каково это". А качеством он не является потому только, что, [будь он качеством], он был бы акциденцией и находился в субъекте. Не состоит ли скорее отличительный признак из субстанции или качества, так что то, о чем он сказывается, уничтожается вместе с его исчезновением? Например, тепло, находящееся в воде: когда оно исчезает, вода может пребывать неизменной по своей субстанции; тепло находится в субъекте - воде, и когда оно исчезнет, вода не уничтожится. Тем не менее равным образом тепло пребывает в огне, но если тепло исчезнет, огонь необходимо уничтожится. Это происходит так потому, что качество теплоты присуще огню субстанциально, и есть подлинное, то есть субстанциальное, отличие (*differentia*).

Итак, следует заключить, что отличительный признак не есть только субстанция или только качество, но из них обоих составляется субстанциальное качество, которое пребывает в природе субъекта, и, поскольку является частью субстанции, не есть акциденция, и, будучи качеством, отделяется от субстанции, и есть что-то среднее между субстанцией и качеством. И поскольку [отличительный признак] не находится в субъекте и не является субстанцией, то "не находится в субъекте" не является собственным признаком субстанции.

После этого Аристотель добавляет также, что нам не следует беспокоиться по поводу того, что части субстанций находятся в целом как в субъекте, чтобы, пожалуй, мы не признали когда-нибудь, что они не являются субстанциями. Части субстанций находятся в субъекте не так, как акциденции, ибо мы полагаем, что некие части субстанций так находятся в целом, как в субъекте, как голова или рука в [составе] всего тела, или же так, как форма (*forma*) и материя (*materia*), которые, будучи частями составной субстанции, находятся в самой этой составной субстанции. Итак, Аристотель предостерегает нас от того, чтобы мы не признали когда-нибудь, что части субстанций, поскольку они находятся в субъекте, являются акциденциями, говоря:

"И пусть нас не беспокоят части субстанций, что они так находятся в целом, как в субъекте, чтобы нам не пришлось вдруг признать, что они не являются субстанциями, ведь мы сказали, что то, что находится в субъекте, находится в нем не так, как части находятся в чем-либо" [43].

[Аристотель] сообщает это как основание того, почему никому не следует считать, что [части субстанций] могут быть акциденциями. Действительно, акциденции определены как то, что находится в субъекте не как какая-нибудь часть. Ведь выше сказано: "Говорю же, что [ничто] находится в субъекте так: оно хотя и находится в чем-либо, но не как какая-нибудь часть и ему невозможно существовать без того, в чем оно находится" [44]. Поскольку же акциденции находятся в субъекте не как части субъекта, а части субстанций находятся в целом иначе, чем в субъекте, ни у кого не будет основания для предположения, что части субстанций суть части акциденций.

"Субстанциям и отличительным признакам свойственно то, что все [образованные] от них [сказуемые] сказываются унивокально. Ведь все [образованные] от них сказуемые сказываются либо об индивидах, либо о видах; что же касается первой субстанции, то от нее не [образуется] никакого сказуемого, ведь она не сказывается ни о каком субъекте. Из вторых же субстанций вид сказывается об индивиде, а род - о виде и индивиде. Подобным образом и отличительные признаки сказываются о видах и индивидах. Действительно, первые субстанции принимают смысл (ratio) видов и родов, а вид - смысл (ratio) рода, ведь все, что говорится о предикате, говорится также и о субъекте. Точно так же виды и индивиды принимают смысл (ratio) отличительного признака. А унивокальным было [названо] то, у чего общее и имя, и смысл (ratio). Поэтому все [сказуемые, образованные] от [вторых] субстанций и отличительных признаков, сказываются унивокально" [45].

Продемонстрировав, что "не находится в субъекте" является общим для субстанций и отличительного признака, Аристотель снова указывает на общее для них [свойство]. Ведь из субстанций одни - первые, другие - вторые, и первые субстанции суть индивидуальные. Но поскольку индивиды никоим образом не могут обладать субъектом, то от индивидов не может быть [образовано] никакого сказуемого. Вторые же субстанции сказываются об индивидуальных, то есть о первых, субстанциях унивокально, ведь и имя, и смысл (ratio) вторых субстанций сказываются о первых. Так, и вид и род сказываются о каком-либо индивиде, например о Платоне, то есть о некоем человеке сказывается и [вид] "человек" и [род] "животное", ведь некий человек является и человеком и животным, и об индивиде сказывается смысл их обоих [т.е. рода и вида]. Ведь говорим же мы о некоем человеке, что он - животное разумное, смертное, что есть определение вида, то есть "человека". И, с другой стороны, мы говорим: человек есть субстанция одушевленная, чувствующая, что есть определение рода, то есть "животного". В самом деле, вид перенимает от своего рода и определение, и имя. Ведь о "человеке" сказывается "животное": говорят же, что человек - животное; и, с другой стороны, тот же "человек" равным образом принимает смысл (ratio) "животного": говорим же мы, что "человек" есть субстанция одушевленная и чувствующая.

Итак, не подлежит сомнению, что, так как виды и роды об индивидах, а роды о видах, сказываются унивокально, то есть при любой предикации вторые субстанции сказываются о субъектах унивокальной речью, то это [свойство] - общее для них и для отличительных признаков. Ведь отличительный признак сказывается унивокально о виде, о котором он сказывается, и об индивиде этого вида. Ибо когда о некоем человеке сказывается отличительный признак "способное ходить" (говорят же, что тот или иной человек способен ходить, например Платон или Цицерон), то индивиды принимают и определение отличительного признака, сказывающегося об этих индивидах. Ведь "способное ходить" есть то, что может передвигаться ногами по земле. И таким образом, ты можешь

определить некоего человека сообразно имени отличительного признака: скажешь, например, что Платон есть то, что передвигается ногами по земле. И это же [определение] подходит и виду некоего человека, то есть "человеку". Ведь "человек", то есть собственно вид, поскольку является "способным ходить", может быть определен следующим образом: человек есть то, что передвигается ногами по земле.

Итак, и отличительные признаки сказываются о том, о чем они сказываются, унивокально. Поэтому в связи с тем, что и вторые субстанции сказываются о том, о чем они сказываются, унивокально и отличительные признаки таким же образом, то какие бы сказуемые ни были образованы от субстанций или отличительных признаков, они всегда будут сказываться о субъектах унивокально. Причина же того, что вторые субстанции сказываются о первых унивокально, та, которую Аристотель уже разъяснял ранее, когда указывал нам, что все, сказываемое о предикате, сказывается также и о субъекте [46]. Действительно, все отличительные признаки, которые суть видовые отличия рода, сказываются и о виде и об индивидуе, например, поскольку отличительные признаки делают [род] "животное" "одушевленным" и "чувствующим", то они точно так же будут сказываться и о виде, то есть о "человеке" и об индивидуе, то есть о некоем человеке.

В связи с тем, что это было изложено выше, и поскольку того требует краткость повествования, пусть будет достаточно сказано об этом.

"Представляется, что каждая субстанция обозначает некое [определенное] "это". В отношении первых субстанций является бесспорным и истинным, что они обозначают некое [определенное] "это". Ведь то, что они обозначают, индивидуально и одно по числу. Что же касается вторых субстанций, то кажется, в соответствии со способом именованья (*figura appellationis*), что они сходным образом обозначают некое [определенное] "это", [например], когда кто-нибудь говорит "человек" или "животное", что, однако, неверно, ибо в большей степени он обозначает "каково [есть то или иное] нечто", ведь то, что есть субъект, [здесь] не есть [что-то] одно, как в случае первой субстанции, так как "человек" и "животное" сказываются о многом. Но [вторые субстанции] обозначают не просто некое "каково это", как, например, "белое", ведь "белое" не обозначает ничего иного, кроме качества. Вид же и род определяют качество относительно (*circa*) субстанции, ведь они обозначают, какова та или иная субстанция. А определение по роду будет более [широкое], чем по виду, ведь говорящий "животное" охватывает больше, чем [тот, кто говорит] "человек" [47].

После того как [Аристотель] указал выше на разделяемые [с отличительным признаком] сопутствующие признаки (*consequentiae*) субстанции "не находиться в субъекте" и "всем [образованным] от субстанций [сказуемым] сказываться унивокально" и отделил их от подлинного отличительного признака, поскольку считается, что они общи отличительным признакам, он добавляет еще одно [свойство субстанции], которое не является ее собственным признаком, так как присуще не всякой субстанции. Ведь как количество обозначает "сколько", а качество "каково", субстанция, как кажется, обозначает некое [определенное] "это". В самом деле, когда я говорю "Сократ" или "Платон" или называю какую-нибудь другую индивидуальную субстанцию, я обозначаю некое [определенное] "это". Однако [данная особенность] присуща не всем субстанциям. Действительно, в отношении индивидов, поскольку они являются частными и единичными по числу, верно, что [им свойственно] обозначать некое [определенное] "это". В отношении же вторых субстанций - не так. Ибо вторые субстанции не являются ни единичными, ни единичными по числу, напротив, виды включают в себя множество индивидов и род объемлет большое количество видов, поэтому когда я говорю "человек", я не обозначаю некое [определенное] "это", и имя "человек" не является единичным, потому что сказывается о многих индивидах; но скорее ["человек" обозначает], каков некто, ведь он показывает, какова субстанция, в связи с тем, что она называется "человек". Но данное качество определяется (*determinare*) по (*circa*) субстанции, ведь как индивидуальное качество имеет виды и роды качества и как [предикамент] "качество" охватывает единичные качества родами и видами, точно так же роды и виды индивидуальных субстанций суть вторые субстанции. Следовательно, когда я говорю "человек", я обозначаю такую субстанцию, которая сказывается о большом количестве различных по числу [индивидов] в том, что есть это. Поэтому, когда я говорю "человек", я обозначаю некую субстанцию, а именно такую, которая сказывается об индивидах. Так же и в отношении рода. Ибо когда я говорю "животное", я обозначаю такую субстанцию, которая сказывается о многих видах. Следовательно, есть качество, например "белое", которое всегда находится в субстанции, но не так, что уничтожает (*interimere*) саму субстанцию, потому что белизна не обладает свойством субстанции. А то качество, которое сказывается о субстанциях, определяет качество по (*circa*) субстанции, ведь оно показывает, какова эта субстанция. Так, если человек есть разумный, то и субстанция будет разумной, а "разумный" есть качество. Итак, вторые субстанции показывают, какова субстанция. Поэтому "обозначать некое [определенное] "это"" не является собственным признаком субстанции. Ведь вторые субстанции обозначают не некое [определенное] "это", но (как уже было сказано) каково это нечто, и, хотя, с одной стороны, они показывают, каково это нечто, с другой стороны, само качество они определяют по (*circa*) субстанции. Качество же вторых субстанций находится в индивидах и, естественно, сказывается о них же самих, то есть об индивидуальных субстанциях. Итак, качество вторых субстанций определяется по (*circa*) индивидам, то есть тому, что первично.

Определение (*determinatio*) же тем шире, чем больше объемлет сам термин, и соответственно тем уже, чем меньше он объемлет, поэтому род содержит в себе большее, а вид не столь многое. Ибо когда я говорю "животное", [я называю и] человека, и быка, а также охватываю одним этим именем всех прочих живых существ. Когда же говорю "человек", я охватываю значением этого имени одних только индивидуальных людей. Поэтому большее определение происходит через род, нежели через вид, и определение

качества по (circa) субстанции происходит или так, что оно является субстанциальным качеством в виде и роде, или так, что оно сказывается относительно некоей общности субъектов. Но качество само по себе, такое, как "белое", не обозначает никакую субстанцию и не обнаруживает никакую общность, например род своих видов и вид индивидов.

Из этого следует, что предстоит разыскать другой собственный признак субстанции.

"Субстанциям свойственно и то, что им ничто не противоположно. В самом деле, что может быть противоположно первой субстанции, например некоему человеку или некоему животному? Им ничто не противоположно. И [виду] "человек", и [роду] "животное" ничто не противоположно. Это, однако, не собственный признак субстанции, но [свойство] многого другого, например количества: ничто не противоположно длине в два или в три локтя, а также в десять [локтей], и вообще ничему такому. Разве что кто-нибудь скажет, что многое противоположно малочисленному или большое малому, но из определенных количеств одно другому не противоположно" [48].

Аристотель приводит и еще одно свойство субстанции, утверждая, что субстанции ничто не противоположно, и доказывает это по индукции, посредством отдельных примеров. В самом деле, человек не противоположен ни [другому] человеку, ни лошади, ни какому-либо иному живому существу. И если кто-нибудь скажет, что хотя огонь и вода суть субстанции, огонь тем не менее противоположен воде, он ошибется. Ведь не огонь противоположен воде, но качества огня противоположны качествам воды. Ибо холод и тепло, влажность и сухость суть противоположности, и одни из этих качеств находятся в огне, другие в воде, поэтому и кажется, что они делают противоположными сами субстанции, | которые на самом деле] таковыми не являются. Это можно доказать на примере всех прочих субстанций, среди которых никто не смог бы отыскать противоположности.

Но данная [особенность] не является собственным признаком одних только субстанций, ибо и определенное количество не имеет ничего противоположного. Ведь ни два не противоположно трем, ни четыре - двум, и ничто подобное в этом роде, ибо если бы мы сказали, что три противоположно двум, то почему бы нам не предположить, что этим двум не противоположны также четыре или пять? Невозможно привести никакого довода, почему, если три противоположно двум, четыре или пять двум не противоположны. Если же это так, если четыре или три, или пять, или сколько-нибудь еще станут противоположны двум тем, что различны по числу, то у одной вещи будет множество противоположностей, чего быть не может. Следовательно, какому-либо [определенному] количеству ничто не противоположно. Если же кто-нибудь скажет, что многое противоположно малочисленному или большое малому, то, даже если он и докажет, что они суть количества, они все же не есть определенные количества, ведь говорящий это не определяет, сколько именно есть "большое" или "малое". То же и относительно "многого" и "малочисленного". Так что, даже если кто-нибудь скажет, что [многое и малочисленное, большое и малое] суть количества, он будет [вынужден] признать, что они неограниченны и неопределенны. Аристотель же говорит, что ничто не противоположно определенному количеству, каковы, например, два или три, или линия, или поверхность. Как бы то ни было, если одни количества имеют противоположности, а другие не имеют, ничто совершенно не противоречит сказанному, а именно тому, что [отсутствие противоположности] не является собственным признаком субстанции, ибо

установлено, что некоторые количества не имеют противоположностей. Так что если отсутствие противоположностей свойственно и количеству, то это не является собственным признаком субстанции. И пусть даже кто-нибудь полагает большое и малое количествами, совершенно очевидно, что они (как впоследствии покажет сам Аристотель) являются не количествами, но соотнесенными, ведь большое сказывается относительно малого. Однако более тщательно мы рассмотрим эту тему, когда дойдем до нее. Теперь же, поскольку ясно, что субстанции ничто не противоположно и что [данная особенность] не является ее собственным признаком, так как [отсутствие противоположностей] характерно также и для количеств, мы обратим наше повествование к следующей особенности субстанции.

"Как кажется, субстанция не допускает, [чтобы о ней говорилось] "больше" или "меньше". Я говорю не о том, что одна субстанция не может быть больше или меньше другой субстанции (как уже было сказано, это возможно), но о том, что о каждой субстанции как таковой не говорится "больше" или "меньше". Так, например, если эта субстанция - человек, то он не более и не менее человек ни по отношению к себе самому, ни по отношению к другому. Ведь ни один человек не является большим человеком по отношению к другому человеку, как одно белое в большей или меньшей степени белое, чем другое, или одно благо в большей степени благо, нежели другое. Ведь можно сказать, что оно большее или меньшее по отношению к самому себе: так, например, тело, будучи белым, теперь называется более белым, нежели ранее, а будучи теплым - более или менее теплым. О субстанции же нельзя сказать, что она - субстанция в большей или меньшей степени, ведь о человеке не говорится, что он является ныне большим человеком, нежели прежде, равно и ни о чем другом, что суть субстанции. Поэтому субстанция не допускает, [чтобы о ней говорилось] "больше" или "меньше" [49].

[Аристотель] не просто говорит об этом свойстве [субстанции], но [проводит] некое различие: он указывает, что субстанция не допускает, [чтобы о ней говорилось] "больше" или "меньше", но не потому, что одна субстанция не может быть больше или меньше другой субстанции. Действительно, некий человек, хотя и является субстанцией, является большей субстанцией, чем "человек", то есть вид, и "человек" - нежели "животное", то есть род. Следовательно, Аристотель не говорит: потому, что нельзя отыскать субстанции, которые были бы большими среди субстанций. Их, как сказано, возможно отыскать: указывает же он выше, что первые, то есть индивидуальные субстанции являются субстанциями в высшей степени, а из вторых субстанций большими субстанциями являются виды, нежели роды. Итак, он не говорит: потому, что никакая субстанция не является большей или меньшей по отношению к другой субстанции, но потому, что о каждой субстанции, как таковой, не говорится как о большей или меньшей субстанции. Например, если субстанция - человек, [Аристотель] не говорит: потому что человек не может быть большей или меньшей субстанцией, ведь индивидуальный человек есть в большей [степени] субстанция, а вид ["человек"] - в меньшей [степени], если его сравнить с первой, то есть индивидуальной субстанцией. Но [Аристотель] говорит: "как таковые", то есть человек [как таковой] не будет большим или меньшим человеком. Он, таким образом, не утверждает: потому, что человек не может быть большей или меньшей субстанцией, но потому, что человек, как таковой, не более и не менее человек, ведь некий человек не есть более или менее человек. Равным образом это можно наблюдать и при сравнении тех же [индивидуальных людей]: сам человек по отношению к самому себе не

есть в большей [степени] человек, но то же и в случае, если сравнивать его с другим, при условии, что они находятся в равных отношениях (*sub eadem conjunctione sunt*). Так, какой-либо индивидуальный человек, будучи сравниваемым с другим индивидуальным человеком, не будет "больше" или "меньше" человек, и самый вид ["человек"] в отношении самого себя не будет большим или меньшим человеком.

Это, однако, очевидно только для субстанций, качествам же возможно быть больше или меньше: белое может быть более или менее белым по отношению к самому себе и принимать большую или меньшую [степень], так, например, есть менее белое и более белое. Одно белое может быть белее, чем другое, как, например, цвет лилии по сравнению с цветом хлопка и наоборот, одно белое может быть менее белым, как, например, цвет хлопка по сравнению с цветом лилии, или цвет лебединого пуха по сравнению с цветом снега. Это же касается и других качеств, таких как благо или тепло, ибо [качества] могут изменяться со временем и переходить в большую или меньшую [степень]. Ибо благо не раз становится большим или меньшим, так же и тепло - более или менее горячим. Человек же, так как он - субстанция, ни теперь не будет более субстанция, чем был раньше, ни позже не будет более или менее человеком, чем он является теперь.

Хотя субстанция и не допускает, [чтобы о ней говорилось] "больше" или "меньше", это [свойство] не будет ее собственным признаком. Но почему это [свойство субстанции] не является ее собственным признаком, сам Аристотель замалчивает как нечто очевидное; мы же добавим, что не одни только субстанции не допускают, [чтобы о них говорилось] "больше" или "меньше", но и многое другое. Например, одна окружность не будет более или менее окружность, чем другая, одно двойное не менее и не более двойное, чем другое, равным образом четыре в два раза больше двух [не в меньшей и не в большей степени], чем десять больше пяти. А потому так как то же самое присуще и другому, то, надо полагать, оно не есть собственный признак субстанции.

Все это, пусть и свойственное субстанциям, но не являющееся ее собственными признаками, так как присуще и другому, называется сопутствующими признаками (*consequentia*) субстанции. Ведь все они сопутствуют субстанции, так что при любых обстоятельствах для субстанции будет обнаруживаться указанное, а именно, [субстанции свойственно] не находиться в субъекте; сказуемые, [образованные] от субстанций, сказываются унивокально; [субстанция] обозначает определенное "это"; [субстанции] ничто не противоположно; [субстанция] не допускает, [чтобы о ней говорилось] "больше" или "меньше". То же, что присуще не всем субстанциям, суть акциденции субстанций, а потому не суть собственные признаки. Поэтому, не являясь собственными признаками, они еще не показывают, какова субстанция. Следовательно, для того чтобы мы смогли познать качество субстанции в собственном смысле слова, нам надлежит найти такое свойство, которое характерно для всех субстанций и только для них. Именно его и указывает сам [Аристотель]: "Представляется, что подлинным собственным признаком субстанции является то, что она, будучи одной и той же по числу, способна принимать противоположности; о прочем же, что не суть субстанции, никто не сможет сказать, что оно, будучи одним и тем же по числу, способно принимать противоположности. Так, один и тот же по числу цвет не может быть белым и черным; так же и действие одно и то же по числу не будет нерадивым и усердным (*prava et studiosa*). То же относится и ко всему другому, что не суть субстанции. Субстанция же, будучи одной и той же по числу, способна принимать противоположности. Например, некий человек, будучи одним и тем

же по числу, иногда становится бледным, иногда смуглым, теплым и холодным, нерадивым и старательным. Всему другому это, по-видимому, не свойственно, разве что кто-нибудь возразит, что речь и мнение способны принимать противоположности. Ведь кажется, что одна и та же речь - истинна и ложна. Например, если истинна речь "некто сидит", то, когда он встанет, эта же речь будет ложной. То же и в отношении мнения: если кто-либо правильно полагает, что некто сидит, то, когда он встанет, тот, если останется при этом же мнении о нем, будет заблуждаться. Однако если кто и согласится с этим, то все же [обнаружит] различия в способе, [каким в том и в этом случае принимаются противоположности]. Ведь то, что относится к субстанциям, принимает противоположности, изменяясь само. Действительно, став холодной из теплой, [субстанция] претерпела изменения, ибо стала иной, и так же - став из бледной смуглой и из нерадивой старательной. Точно так же и во всем остальном, [субстанция] принимает противоположности, подвергаясь изменению. Речь же и мнение сами остаются неподвижными во всех отношениях, а движется вещь, относительно которой имеет место противоположность. В самом деле, речь "он сидит" остается той же, но поскольку меняются обстоятельства, становится то истинной, то ложной. То же можно сказать и о мнении. Вот почему, даже если кто-нибудь и согласится с тем, что речь способна принимать противоположности, способность принимать противоположности в силу собственной перемены есть собственный признак субстанции, по крайней мере, по способу, [которым она их принимает]" [50].

[Аристотель] указывает, что подлинный собственный признак субстанции - то, что субстанция, будучи одной и той же по числу, способна принимать противоположности, но не те противоположности, о которых говорилось выше. Там он имел в виду, что одни субстанции не противоположны другим субстанциям, и здесь говорит не о том, что субстанции противоположны субстанциям, а о том, что они могут принимать противоположные вещи. Так, например, один и тот же человек в настоящее время здоров, а в другое время болен, а болезнь и здоровье суть противоположности. Итак, поскольку очевидно, что субстанция может принимать противоположности, надлежит показать, каким образом это присуще только субстанциям. Ибо это [свойство] невозможно отыскать ни в чем другом: ведь в отношении качества [можно сказать], что качество, приняв противоположности, не будет одним и тем же по числу. В самом деле, черное и белое не будет одним и тем же по числу. Если же оно было белым и стало черным, полностью изменился вид качества, и то, что противоположно, будет не одним и тем же по числу, но различным. С другой стороны, и действие одно и то же по числу не будет благим и дурным, но, пожалуй, одно - благим, а другое - дурным. Так что они различаются [между собой], и они - не одни и те же по числу; то же обнаруживается и в остальном. Сама же субстанция, будучи одной-единственной по числу, принимает противоположности. Например, один и тот же человек, который был бледным и белым, под воздействием солнца становится смуглым и из белого превращается в смуглого, и обращается в противоположное, принимая в себя обе эти противоположные качества.

То, что это не присуще ничему иному, кроме одних только субстанций, было достаточно показано выше. Если же кто-нибудь возразит, что одна и та же речь и одно и то же мнение принимают противоположности (потому что, если я говорю "Цицерон сидит" или полагаю, что он сидит, то, когда он действительно сидит, речь и мнение об этом истинны; если же он встанет, речь высказывающая или мнение полагающее, что

Цицерон сидит, останутся теми же, но будут ложными, так как он не будет сидеть), то может показаться, что речь, а также мнение, будучи одними и теми же по числу, в одно время истинны, а в другое - ложны и сами принимают противоположности. Однако это ложно, так как речь и мнение не принимают противоположности. Действительно, если кто и допустит, что речь и мнение могут принимать противоположности, то, по крайней мере, [ему придется согласиться с тем, что они принимают противоположности] иначе, нежели субстанция. Ибо субстанция, принимая противоположности, меняется сама: в самом деле, Цицерон, принимая в себя болезнь, сам стал из здорового больным и, изменяясь сам, принимает противоположности. Напротив, речь или мнение сами остаются неизменными, но, когда изменяются вещи, о которых они высказываются, относительно их обнаруживается, что они истинны или ложны. А субстанция сама изменяется вместе с теми противоположностями, которые она принимает; речь же и мнение кажутся истинными или ложными; благодаря тому, что изменяются вещи, о которых они высказываются и полагаются. Ибо когда я говорю, что Цицерон сидит, то, если он встал, речь при этом ничего не претерпела, но изменилась та вещь, о которой была данная речь: ведь тот, кто сидел, встал, поэтому речь стала из истинной ложной.

Ввиду этого, как было сказано, субстанция, принимая противоположности, меняется сама, речь же и мнение не меняются, но истинны или ложны сообразно изменению обстоятельств, к ним относящимся. Поэтому считается, что собственный признак субстанции - это [способность] принимать противоположности так, что она принимает противоположности, изменяясь сама, а не так, что она [принимает противоположности] при изменении обстоятельств, сама оставаясь совершенно неподверженной изменениям.

Итак, это [может быть] сказано, если кто-либо считает, что речь и мнение способны принимать противоположности, ведь речь и мнение не способны к этому. Опять же и сам [Аристотель] прибавляет: "Это, однако, неверно; ведь о речи и мнении говорится как о способных принимать противоположности не в [том смысле], что они сами принимают нечто, но в [том смысле], что имело место некое претерпевание чего-то другого. Действительно, речь называется истинной или ложной в связи с тем, есть некая вещь или нет, а не потому, что она сама способна принимать противоположности. Ведь непосредственно ни речь, ни мнение ничем не приводятся в движение. Поэтому они не будут способны принимать противоположности, ведь никакого претерпевания противоположностей с ними не произошло. О субстанции же говорится как о способной принимать противоположности в связи с тем, что она сама принимает их. Ведь она принимает недуг и здоровье, белизну и черноту, и поскольку она сама принимает каждую из таких [противоположностей], о ней говорится как о способной принимать противоположности. А потому собственный признак субстанции - это то, что будучи одной и той же по числу, она способна принимать противоположности посредством собственной перемены. Итак, о субстанции пусть будет достаточно сказано" [51].

[Аристотель] говорит, что речь и мнение, безусловно, сами не принимают противоположности, и что истина или ложь не находятся в речи или во мнении. Они, однако, потому кажутся принимающими противоположности, что (как он указывал выше) они имеют место в связи с каким-то другим претерпеванием, о котором речь или мнение [высказываются]: в самом деле, относительно "сидеть" и "не сидеть", которые суть противоположности, высказывается мнение или речь о сидении и несидении; и потому [речь и мнение кажутся принимающими противоположности], что они [высказываются]

относительно других вещей, которые суть друг другу противоположности. Когда же те изменяются, кажется, что и эти - противоположности; не потому, что сами принимают противоположности, но потому, что [высказываются] о противоположных состояниях вещей. Поистине ни речь, ни мнение не изменяются; [изменяется] только то, о чем есть речь и мнение, то есть "сидеть" и "не сидеть". А потому ни сама речь, ни само мнение ничего не претерпевают, в них ничто не происходит, и хотя противоположность имеет место, представляется, что [речь и мнение] не способны принимать противоположности. О субстанции же в связи с тем, что она сама принимает противоположное, говорится как о способной принимать противоположности. Действительно, Цицерон, приняв здоровье, становится здоровым, а приняв болезнь - больным. Речь же и мнение (как было сказано) противоположности не принимают. Поэтому [способность] принимать противоположности будет собственным признаком субстанции.

Однако, может быть, кто-нибудь скажет: почему [в таком случае] огонь, являясь теплым, никогда не принимает холода, и почему вода, будучи влажной, никогда не принимает сухость? По выдвигании этих возражений может показаться, что не любая субстанция способна принимать противоположности, и это ненадежный собственный признак субстанции, поскольку он присущ не всем субстанциям. Однако надо сказать, что так как, по всей видимости, субстанция принимает те противоположности, которые не присущи ее природе, то она, с другой стороны, не принимает ничего из [противоположного тому], что присуще ей субстанциально. Таким образом, мы говорим, что [субстанция] принимает что-либо из вещей, расположенных и конституированных вне [самой] субстанции. Поэтому в связи с тем, что огню субстанциально присуще быть горячим, огонь не принимает тепла; так что огонь не способен принимать ни тепло, ни холод. Тепло он не принимает потому, что оно неизменно близко его природе и субстанции. Холод же не принимает, поскольку природа тепла сама по себе отталкивает противоположность самого огня. Таким образом, если есть то, что принимает огонь, то есть нечто расположенное вне [субстанции огня], он необходимо принимает также и его противоположность; при этом сам огонь остается одним и единственным [по числу]. То же следует сказать и о воде: она не принимает влажность, как и огонь - тепло, ведь влажность некоторым образом присуща ей по природе. Кроме того, как тепло для огня, так и влажность для воды именуется не просто качествами, но субстанциальными качествами воды и огня. О воде же, поскольку ни тепло, ни холод ей субстанциально не присущи, говорится, что она способна принимать тепло и холод.

Поэтому [здесь] говорится не о тех противоположностях, которые присущи субстанциально, но о тех, которые может принимать любая субстанция, то есть, о том, что может быть привлечено извне. Очевидно, что эта [особенность] присуща всем субстанциям. Ведь поскольку Цицерон здоров или болен, то и "человек" здоров или болен; если "человек" здоров или болен, то и "животное" здорово или больно. Однако "животного" и "человека" можно рассматривать двумя способами: одно дело, что они сказываются о многом, другое - что они являются субстанциями. В первом случае, как сказывающиеся о многом, они не принимают противоположности. Так, например, "животное", сказываясь о видах, не является ни разумным, ни неразумным, и "человек", сказываясь об индивидах, не есть ни здоровый, ни больной; напротив, в связи с тем, что они - субстанции и главенствуют над индивидуальными субстанциями, [роды и виды]

способны принимать противоположности. Поэтому [способность] принимать противоположности будет единственным собственным признаком субстанции.

Итак, пусть о субстанции будет достаточно сказано. Во второй книге мы приступим к описанию количества.

Примечания

1. Встречается, в частности в PL, написание имени Боэция как Boetius. {Примеч. ред.}
2. Boetius. In Porphiriis commentaria // PL. T. 64. Col. 16.
3. Boetius. In Porphiriis commentaria // PL. T. 64. Col. 17.
4. Boetius. In Topica Ciceronis commentaria // PL. T. 64. Col. 1045.
5. Boetius. In Categorias Aristotelis commentaria // PL. T. 64. Col. 161.
6. Боэций. Утешение философией. С. 7.
7. Боэций. Утешение философией. С. 11.
8. Boetius. In Categorias Aristotelis commentaria. Col. 161.
9. Боэций. Утешение философией. С. 69.
10. Boetius. In Categorias Aristotelis commentaria. Col. 182.
11. Перевод выполнен по изданию: A. M. S. Boetii. In Categorias Aristotelis libri quatuor // PL. T. 64. При переводе текста Аристотеля в некоторых случаях привлекался перевод А. В. Кубицкого (Аристотель. Категории. М., 1939). Первая публикация текста: Вестник РХГИ. 1999. № 3.
12. Боэций имеет в виду свои комментарии к "Введению" Порфирия к "Категориям" Аристотеля. Как известно, он составил два комментария. Первый, имевший диалогическую форму, представлял собой пояснение к латинскому переводу "Введения", осуществленному Марием Викториной. Эта работа, однако, не удовлетворила Боэция - он составил второй комментарий, превосходящий по объему предыдущий, причем перевел "Введение" сам. Судя по всему, комментарий к "Категориям" был написан после того, как философ закончил оба комментария к трактату Порфирия.
13. Предикамент (praedicamentum) - так Боэций переводит греческий термин категория ("kategoria").
14. Здесь и далее Боэций излагает так называемую конвенциональную теорию языка. Согласно ей, имена вещам даются человеком ad placitum, то есть, по произвольному соглашению между людьми; имя не имеет какого-либо сверхъестественного происхождения и связано с вещью лишь постольку, поскольку обычно употребляется для ее обозначения.
15. Имеются в виду первичная и вторичная интенции, или импозиции. Так, например, в высказывании "Сократ есть человек" "человек" - термин первичной импозиции, то есть имя определенной вещи. В высказывании "человек есть имя существительное" "человек" - термин вторичной импозиции, то есть имя имени.
16. Подлежащей, или субъектной, субстанцией (substantia subjecta) Боэций называет субстанцию, о которой идет речь в высказывании или которая обозначается тем или иным словом, то есть подлжит этому слову (от subjicere - подкладывать, служить основанием). Вообще термин "субъектный" и "субъект" Боэций использует достаточно широко: субъектом может быть термин в высказывании, то есть логико-грамматическое подлежащее, и субстанция как субъект акциденций, то есть как то, в чем находятся акциденции; чувственно воспринимаемая вещь может быть субъектной, с одной стороны, чувствам, а с другой - своему закрепленному в языке имени.

17. Ratio - логический смысл. Любая вещь (res), обозначаемая словом (nomen, vocabulum), обладает также и смыслом (ratio), каковой смысл "дается в определениях и описаниях". Описание (descriptio) составляется из собственных признаков (propria) вещи, а определение (definitio или diffinitio) состоит в указании рода (genus) и видовых отличий или отличительных признаков (diffrentia). Так, например, некое животное о котором мы говорим, есть вещь, слово "животное" - его знак, а определение "субстанция одушевленная, чувствующая" - смысл.

18. Архит из Тарента (IV в. до н. э.) знаменитый древнегреческий философ, который, по свидетельству Диогена Лаэртия, "впервые методически исследовал механику, используя математические принципы, и впервые применил механическое движение к геометрическому чертежу, когда сечением полуцилиндра стремился найти две средних пропорциональных, чтобы решить задачу по удвоению куба. И в геометрии он впервые открыл куб, как говорит Платон в "Государстве" (Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. С. 448).

19. Ямвлих (ок. 280-330) - ученик Порфирия, основатель сирийской неоплатонической школы. Боэций упоминает Ямвлиха в основном как комментатора Аристотеля, хотя тот известен скорее как вполне самостоятельный автор. Возможно, именно комментарий Ямвлиха к "Категориям" был для Боэция одним из основных источников по аристотелевской логике.

20. Фемистий (317-387) - философ, преподавал в Константинополе. Придерживался мнения, что, несмотря на некоторые отдельные различия, учение Платона и учение Аристотеля по существу сходны (так же, кстати, считал и Боэций). Фемистий является автором комментариев к Аристотелю, которые, возможно, были известны Боэцию, - если не непосредственно, то через сочинения других философов.

21. Аристотель. Категории 1b 25.

22. Восходящее к стоикам представление о том, что одна вещь также может быть знаком другой (например, дым - знак огня) Боэцием, по всей видимости, воспринято не было, в отличие от стоической теории гипотетических силлогизмов, которым философ посвятил отдельный трактат.

23. Аристотель. Категории 2a 5.

24. Так Боэций переводит греческие термины "omonemoi fonai" и "senonemoi fonai".

25. Аристотель. Категории 1a 1.

26. То есть от имени ближайшего вида или (в случае определения вида) от имени ближайшего рода.

27. Аристотель. Категории 1a 7.

28. Аристотель. Категории 1a 12.

29. В этом месте Боэций занимает откровенно реалистическую (в смысле проблемы универсалий) позицию, каковая, впрочем, не характерна для комментария в целом. "Справедливость" для философа - вполне реальная вещь, res, в которой другая вещь может "принять участие". Равным образом (явно или неявно) в этой главе постулируется реальное существование таких общих понятий, как "мужество", "музыка" и др.

30. Некий (aliquis, quidam) для Боэция значит "определенный", "частный", то есть индивидуальный.

31. Аристотель. Категории 2a 11.

32. В трактате "Против Евтихия и Нестория" (Боэций. Утешение философией. С. 173, 174) Боэций разделяет понятия "субстанция" и "субсистенция", однако в данном случае субсистенция это то же, что и субстанция. Действительно, субсистенции из трактата "Против Евтихия и Нестория" суть роды и виды, здесь же субсистенциями называются индивидуальные субстанции.

33. В трактате "О Троице" (Боэций. Утешение философией. С. 148) Боэций пишет о формах (*formaе*), существующих вне материи и происходящих от них образах (*imagines*), подобиях этих форм, существующих в телах. Похоже, что *species*, образующие вместе с материей составные вещи, и являются такими "вторичными формами", или образами, которые Боэций специально не хочет называть формами, поскольку "эти последние [т.е. образы], существующие в телах, мы неверно именуем формами: все это лишь образы, подобие форм, существующих не в материи" (Там же).

34. Аристотель. Категории 2a 19.

35. Аристотель. Категории 2b 7.

36. Аристотель. Категории 2b 15.

37. Аристотель. Категории 2b 21.

38. Аристотель. Категории 2b 29.

39. Аристотель. Категории 2b 38.

40. Аристотель. Категории 3a 7.

41. Аристотель. Категории 3a 14.

42. На первый взгляд "смысл субстанции отличительного признака" есть нечто невозможное, поскольку отличительный признак не является субстанцией. С другой стороны, он обладает определенной субстанциальностью, что, возможно, и имеет в виду Боэций. Нельзя исключать также и то, что "смысл субстанции" становится у Боэция чем-то вроде технического термина, синонимом "определения".

43. Аристотель. Категории 3a 29.

44. Аристотель. Категории 1a 24.

45. Аристотель. Категории 3a 33.

46. Аристотель. Категории 1b 10.

47. Аристотель. Категории 3b 10.

48. Аристотель. Категории 3b 24.

49. Аристотель. Категории 3b 34.

50. Аристотель. Категории 4a 10.

51. Аристотель. Категории 4b 5.